

18+

Раиса Крапп

О ЧЁМ МОЛЧИТ ФЕНИКС

Раиса Крапп

**О чём молчит Феникс.
Фантастическая повесть**

«Издательские решения»

Крапп Р.

О чём молчит Феникс. Фантастическая повесть / Р. Крапп —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-986879-4

Три сюжетные линии тянутся по полотну текста: история Гарда, танцора женского танца, пленника с независимым характером; история Стрелка и Принцессы из книги Стаса Маренго и история самого Стаса, оказавшегося неведомо где, неведомо с кем, в боевой группе специального назначения. При том, что писатель Стас Маренго умер на первых страницах книги. Плетется косичка из этих линий. И до конца читателю кажется, они никогда не пересекутся, что невозможно им логически сойтись в одной точке.

ISBN 978-5-44-986879-4

© Крапп Р.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	9
Глава третья	13
Глава четвертая	15
Глава пятая	18
Глава шестая	21
Глава восьмая	26
Глава девятая	29
Глава десятая	31
Глава одиннадцатая	33
Глава двенадцатая	35
Глава тринадцатая	38
Глава четырнадцатая	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

О чём молчит Феникс

Фантастическая повесть

Раиса Крапп

© Раиса Крапп, 2020

ISBN 978-5-4498-6879-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

Из сочинений Стаса Маренго. Принцесса

Глубоко признательна Михаилу Сидоровичу, чьи советы и рекомендации удивляют глубиной и знанием темы. А знания его касаются такого широкого спектра тем, что даже сомневаешься кто он более: доктор? знаток айкидо с 20-летним стажем? историк? знаток оружия? литературы? кто еще?

Было у короля и королевы три дочери. И никто в королевстве не догадывался, что младшая – подкидыш. Ну, как никто... Знали, конечно. Но всего три человека. Король, бабка-знахарка и Стрелок.

Бабка вскоре после того, как всё случилось, мирно почила, оставив многих скорбеть, потому как была большим мастером своего дела и никто не способен был в полной мере восполнить такую утрату. К тому же отличалась мудростью, врачевала словом не хуже, чем травами чудодейными. Что тайну приёмыша до последнего вздоха сохранила, в том можно было не сомневаться. Так что во всём мире осталось лишь два человека, знающих тайну младшей принцессы – Стрелок и сам король.

А случилось всё так.

Королева разрешилась от бремени ночью. Роды были тяжёлые, долгие. Наконец, родилась девочка. Крепенькая, хорошенькая, но... мёртвая. Пуповина захлестнула шейку петлёй и удавила королевскую дочь. Это поняли знахарка да ещё повитуха, чьи руки приняли младенца. Едва пуповину перерезали, знахарка закинула новорождённую пелёнкой и поспешила в соседнюю комнату, в надежде вдохнуть в девочку жизнь. Повитуха с помощницами осталась при королеве, чья жизнь тоже была в опасности. Лишь под утро стало ясно, что королева спасена. Все валились с ног от усталости. Уверенные, что с младенцем всё в порядке и он в надёжных руках знахарки, еле живые дотасовались до постелей и рухнули спать, как подкошенные.

Тогда-то бабка и сообщила королю-отцу, что девочка мертва. В глубокой печали сидел он у постели супруги, лежавшей в глубоком сне-забытьи и думал, какой удар должен будет нанести, когда она проснётся и захочет увидеть малышку. Королева очень любила детей. И хоть было у них уже две дочки, она с восторгом ждала рождения третьего ребёнка.

Он так и сидел в печальных думах, когда под утро доложили ему, что Стрелок просит немедленной аудиенции.

Едва ли кому другому удалось бы добиться, чтоб в такой час пошли к государю с докладом. Да и все события ночи говорили о неуместности подобной настойчивости. Но это же был Стрелок, и то был король. Он лишь вздохнул, встал и велел проводить гостя в малую гостиную. Этого человека король знал настолько хорошо, чтоб понять – не с пустяком просит встречи.

Малой гостиной служила небольшая комната, предназначенная для особых случаев. В ней можно было говорить, не опасаясь чужих глаз и ушей. Когда вошёл король, Стрелок был уже там. Король пошёл ему навстречу, протягивая руку для приветствия. Ему бросилось в глаза, как странно тот прижимает к телу другую руку.

– Ты ранен? – с беспокойством спросил государь.

– Нет, – ответил Стрелок и тут извлёк из-под плаща и положил на стол...

– Это... что? – спросил король, уже догадываясь, но отказываясь верить своим глазам.

– Ребёнок. Найдёныш.

– Почему ты принёс его мне?

– Взгляни сюда, – сказал Стрелок и откинул угол пелёнки, в которую был завернут ребёнок.

Там была вышита метка, вензель буквы «А», обрамляющий корону.

– Мальчик? – странным, напряжённым голосом спросил король.

– Девочка.

Король вскинул на ночного гостя глаза и тому показалось, что кроме удивления там был страх. Король медленно развернул пелёнки – малышка безмятежно спала. Было ей от роду два-три дня, не больше.

– Где ты её нашёл?

– Она лежала прямо на перекрестке дорог. Места там глухие, далеко вокруг ни души. Я ждал сутки, думал, придёт кто-нибудь.

– Она, кажется, не голодна?

– Я не мог ничего придумать, как намочить хлеб в разбавленном вине и завернуть в тряпицу. Она попробовала и ей понравилось. Надеюсь, не повредило.

– Кто видел, что ты принёс ребёнка?

– Никто.

Через паузу король сказал:

– Нынче ночью королева родила девочку. Она ещё не знает, что ребёнок умер.

Он посмотрел на Стрелка и не нужна была особая проницательность, чтобы понять, о чём король думает.

– Перед тобой, Стрелок, наша третья дочь.

– Никогда и никто не услышит от меня ничего другого.

Король призвал знахарку и передал найдёныша ей.

– Эта девочка – знак, мой государь, – сказала старуха. – И вы прочли его правильно. Она послана вам небом и она только ваша, других отца-матери у неё нет.

Повитуха же наутро от души радовалась вести, что младенец вернулся к жизни благодаря усердию знахарки.

Третью королевскую дочь называли Лиса.

Между сёстрами никто не делал никакого различия, а всё же младшая от старших девочек отличалась. Уже на первых годах жизни виден стал её характер: более живой, независимый и даже твёрдый. В играх она брала себе ведущую роль и помыкала сестрёнками. Горазда была на выдумки и проказы. Порой шалости Лисы даже сердили королеву и она шла с решительным намерением строго отчитать шалуню. Но хватало одного лишь взгляда на малышку, чтобы сердце начало таять от любви и нежности к очаровательному созданию. Ладно, материнское сердце, мягкое, сострадательное, это каждый поймёт. Так ведь точно такие чувства пробуждала Лиса у всех, кто её окружал, от короля до конюха. Ну как можно было гневаться, глядя в невинное, открытое личико, встречая глаза, доверчиво распахнутые навстречу. Нет, никак невозможно было сердиться на эту невинную душу, уж коль даже сёстры, вовлечённые Лисой в проказы и понёсшие из-за неё какое-либо наказание, выгораживали и оправдывали её. Взрослых это умиляло и радовало. Её любили прощать. Малышку обожали, и она того заслуживала.

Нелегко приходилось нянькам. Лет с трёх стало очевидно, что девочка терпеть не может неусыпного контроля и пригляда. Она пряталась от нянек в самых немислимых местах, а когда те начинали метаться в поисках, сбегала, улучив момент.

Была она не по годам разумна. Проказы проказами. Но ведь было и другое. Время от времени королевская семья в полном составе обязана была принимать участие в церемониях. Детям не всегда легко было выдержать протокол. Легко ли час, а то и больше сидеть или стоять, ни на что не отвлекаясь, терпеть усталость, не обратиться с просьбой или жалобой к родителям. Перед первым выходом Лисы – ей было тогда три года – королева очень волновалась, как покажет себя малышка. Лиса же показала себя истинно принцессой. Исподволь наблюдая за ней, король приходил в изумление, восторг и замешательство: откуда такое в ребёнке? Она чётко, будто не впервой, выполняла всё, что от неё требовалось. С неизменно высоко подня-

тым подбородком, отчего детское личико могло бы выглядеть неестественным и смешным, если бы не абсолютно серьёзные глаза и полное осознание значимости момента. Что за гены у этой девочки? Король с некоторых пор увлёкся геральдикой, собирал и изучал гербы и прочие фамильные символы. Понятно, чем был обусловлен этот интерес, что он искал. И не находил.

Глава вторая

Из сочинений Стаса Маренго. Стрелок.

Несколько лет Стрелок не появлялся при дворе после той ночи, как принёс ребёнка. Сначала нанялся доставить невесту со всем её приданным, просватанную в Серединных землях за сына мануфактурщика из Лесовиц. А там подвернулась работа у богатого купца из земель Высокого Солнца. Стрелок взялся сопровождать караваны с купеческим товаром, водил их через хребты Алмазных гор и сквозь жаркие пустоши Запределья. На долгих и дальних дорогах кого только не встретишь. Стрелок наблюдал, расспрашивал. Но если и существовал кончик ниточки, за который можно было бы потянуть, на глаза он никак не попадался.

Когда закончился срок очередного контракта, решил навеститься в столицу. Конечно, ему хотелось знать, как живёт-поживает его найдёныш. Для начала он решил зайти к своим старым знакомым на дворцовую конюшню да на кухню, в челядскую – уж там всегда услышишь и узнаешь всё, что надо. Ещё не успел он толком отыскать, кого хотел видеть, и поздороваться с ними, как явился придворный и сообщил, что к обеду Стрелка ждут во дворце. Выходит, королю уже доложили о нём. У колодца на заднем дворе Стрелок смыл с себя пыль и усталость, переделся в чистое. В обеденный зал его препроводили с ещё влажными волосами.

Стрелку не впервой было сидеть за одним столом с королём и его семьей. Во-первых, эти двое знали друг друга с тех пор, когда король ещё не был королём, а Стрелок стрелком. Они вместе росли. С годами их дружба только крепла, несмотря на то, что один был принцем, другой сыном королевского гвардейца. Во-вторых, по прошествии времени уже не детские игры связывали их, а дела совсем другого рода, в которых залогом успеха, а то и жизни, может быть только друг, вовремя оказавшийся рядом.

Правда с тех пор, как принц взошёл на трон и стал королём, встречались они не часто, хоть по-прежнему связывала их крепкая и верная дружба. Стрелок оказался вольнолюбцем, отказался войти в королевскую гвардию. Дисциплине и долгу предпочёл дороги, случайную работу, не слишком долгие контракты. Ни дом, ни семья не привязывали его. Он был один, ни от кого не зависим, свободен.

Но в столицу он обязательно возвращался время от времени и почти всегда получал приглашение во дворец. Городская и дворцовая стража имела приказ немедленно докладывать, едва Стрелок войдёт в город. Король знал, сам Стрелок не станет просить аудиенции, коль не будет на то особой надобности. Он ведь понимал – человек, отвечающий за целое государство, мало принадлежит себе и далеко не всегда руководствуется в поступках своими желани-ями.

В тот день за столом собралось человек тридцать. Кроме королевской семьи тут были чужеземные послы, советники, придворный лекарь, ученый из далёкого Полудолья со своим секретарём, что приехал специально ради какого-то манускрипта в королевской библиотеке. Завидев Стрелка, король поднялся и вышел из-за стола.

Гости с интересом смотрели на незнакомца, что шёл навстречу королю со спокойным уверенным взглядом. Он явно не принадлежал к высокому сословию. Простая добротная одежда была основательно поношена. На нём была песочно-светлая куртка из хорошо выделанной кожи, кожаные же мягкие штаны. Распахнутый ворот рубахи из отбелённого льна казался ещё белее на загорелой шее. Сапоги ловко, будто влитые, сидели на ноге и свидетельствовали, что хозяин их большой непоседа. В потёртости на куртке, на правом плече, читался след от ремня.

Он был выше среднего роста, стройный, без единой капельки лишнего жира. Лицо загорелое, худощавое, от чего щёки казались слегка запавшими. В короткой улыбке, которой он приветствовал короля, открылись белые крепкие зубы, и лицо на миг будто осветилось

изнутри, на щеках обозначились ямочки. Мягкая бородка обрамляла лицо. В волосах наметилась седина. Довольно длинные, они были откинuty назад и открывали красивый чистый лоб с двумя тонкими вертикальными морщинами. Видимо из-за загара морщины казались глубокими. Но вопреки седине и морщинам походка его была по-юношески лёгкой.

Не обращая внимания на присутствующих, король обнял нового гостя за плечи, отстранил, окинув взглядом, с улыбкой хлопнул по спине:

– Ну, здравствуй, бродяга. Совсем забыл свой дом.

Он провёл Стрелка к столу и усадил на место, которое до сих пор оставалось свободным – по левую руку от себя. Было так заведено, что король сам определял, кому занять это место. Нередко оно так и оставалось пустым.

По правую руку от короля располагалась королева, она приветливо кивнула Стрелку, дальше сидели три девочки – Бела, Ясыня и Лиса. Стрелок взглянул на младшую и встретил пытливый взгляд. Стрелок удивился, насколько он показался ему недетским. Впрочем, он совсем не имел опыта общения с детьми, потому не мог судить, что свойственно ребёнку, а что нет.

После обеда король повёл Стрелка показать своё новое увлечение – коллекцию геральдических знаков. В комнате, отведённой под неё, по стенам были развешаны знамена и штандарты с гербами, в шкафах хранилось множество всевозможных предметов, помеченных фамильными символами. В коллекции ни один герб не повторялся дважды.

Король снял с полки небольшую шкатулку обитую сафьяном, вынул из неё кусок тонкой белой материи.

– Не встречался ли тебе этот вензель?

– Нет, – ответил Стрелок. – Со своих дорог я мог бы собрать тебе коллекцию не меньше. Но такого знака не встретил ни разу.

– Я уже не знаю, хочу ли его найти. Иногда думаю, что слова знахарки надо понимать в их прямом смысле. Хочу, чтоб так и было.

– Ну и не ищи. Разве не ясно, то было послано самим небом.

– Увы, мне не положено верить в сказки.

– Тогда верь в чудо.

Стрелок провёл во дворце три дня, и все эти дни Лиса тянулась к нему. Её уводили к матери в покои, в детскую, в сад – глядь, она уже опять там, где Стрелок. И непонятно было, как находит его на обширной территории, обнесённой дворцовой стеной. Он на псарне смотрит щенков – невесть откуда является Лиса и вот уже заливается счастливым смехом, окружённая весёлыми собачатами. Или он коротает часы в челядской за трубкой и неторопливой беседой. Малышка подходит тихо, осторожно усаживается рядом, будто стараясь быть как можно незаметнее.

На заре четвёртого дня Стрелок снова пустился в путь. Он не знал, как горько и безутешно плакала утром Лиса, когда не увидела его за завтраком. Плакала до тех пор, пока отец не пообещал, что Стрелок непременно вернётся. Сам он не придавал особого значения этому обещанию. Пусть сейчас перестанет рыдать, а там и забудет. Но Лиса стала ждать. Утром, пробудившись, она спрашивала о Стрелке. Вечером говорила, что уж верно он придёт завтра. Её стали часто видеть наверху, в угловой башне. Она тянулась на цыпочках к проёму в стене, чтобы смотреть на тракт, вползающий в город через главные ворота.

Королева недоумевала, чем очаровал малышку Стрелок. Ведь он и времени-то ей почти не уделял. Король тревожился – что за мистическая тяга.

Он даже хотел написать Стрелку. Потом передумал. Пусть всё идёт, как идёт. И со временем убедился, что сделал правильно. В конце концов исчезли неотвязные Лисины вопросы и разговоры о Стрелке, всё вернулось на круги своя.

Стрелок же оставался верен своему образу жизни. Он по-прежнему, то исчезал на несколько месяцев, а то и на год-два, потом опять появлялся ненадолго. Лиса всякий раз была заметно рада встрече и не могла скрыть печали от расставания, но теперь уж обходилось без слёз – принцесса росла, уже была обучена этикету и хорошо воспитана.

Однако, когда девочке было лет четырнадцать, и Стрелок опять появился в столице, между ними случился неожиданный разговор.

Стрелок сидел на камне на берегу пруда, неторопливо плёл ремешок из замшевых полосок. Он раздумывал о том, что загостился во дворце, и о предстоящем пути, когда к пруду вышла Лиса.

– Приветствую вас, принцесса, – проговорил Стрелок.

– И тебе привет, Стрелок, – ответила она. Стояла и молча смотрела на его руки. На то, что в бородачке Стрелка появилась проседь и в волосах седины стало больше.

– Что ты делаешь?

– Запяст для мальчика со псарни.

– Я тоже хочу. Подари мне.

– Как велите, моя принцесса.

– А ты сделаешь всё, что я велю? – быстро спросила она.

– Всё, – улыбнулся Стрелок, не придавая большого значения ни словам принцессы, ни своим.

– Тогда не уходи больше.

– Вы хотите, чтоб я превратился в комнатную собачку?

– Даже если так. Ты сказал, сделаешь всё.

– Я пошутил.

– А я нет. Я знаю, ты нанимаешься в телохранители, в охрану, в сопровождающие.

Но ведь нашей семье тоже нужен такой человек.

– Не нужен. Вам ничто не грозит.

– Конечно, грозит. Думаешь, у моего отца мало врагов?

– А разве мало тех, кто заботиться о вашей безопасности?

– Думаю, много. Только среди них нет ни одного столь же надёжного и верного, как ты.

Стрелок задумчиво посмотрел на принцессу, потом сказал:

– Для чего вы придумали это? Мне кажется, за вашими словами вы прячете одну-единственную мысль. Просто скажите мне её.

Принцесса посмотрела ему прямо в глаза и так же прямо сказала:

– Ты нужен мне. Всегда. Ты нужен мне рядом.

Стрелок изумлённо-насмешливо поднял бровь и принцесса вспыхнула:

– Нет?

– Нет! – решительно и зло сказала девочка. – Вот смотри.

Она нарисовала пальцем на песчаной проплешине круг.

– Это я. Сейчас. А это когда тебя нет, – она стёрла часть окружности и нарисовала будто из круга вырвали большой кусок. – Это я, когда ты не рядом. Тогда я не целая. Не имеет значения, нет тебя день или год. Всегда, пока тебя нет.

Стрелок молча закончил плести шнурок, обрезал ножом лишние полоски. Принцесса протянула руку и он завязал шнурок на её запястье.

– Спасибо, Стрелок, – она погладила пальцем кожаный браслетик. – Мне это дорого.

Он встал.

– Ты уйдёшь? – спросила она.

– Много лет назад твой отец просил меня остаться в королевской гвардии, обещал сразу чин капитана. Я отказался. Мне нравится жить так, как я живу сейчас.

– Значит, я снова буду ждать, – девочка неожиданно прерывисто вздохнула. Улыбнулась. – Я тебя жду, Стрелок, с тех пор, как впервые увидела. Помнишь, ты обедал с нами. Иногда мне кажется, я жду тебя с той минуты, как родилась.

Стрелка будто кольнуло. «Жду с минуты, как родилась». Конечно, она сказала это нечаянно. Сама не поняла, что сказала... Но ведь тогда на перекрестке она и вправду ждала... и пришёл он.

– Только ты выкинь из головы глупую мысль, будто я влюблена в тебя. Когда я слышу, что ты пришёл, мне даже не хочется немедленно увидеть тебя. Просто я становлюсь... ну будто мячик, до звона наполненный праздником. На его поверхности играют весёлые радуги. И не надо мне бежать к тебе. Достаточно знать, что ты близко. – Она вдруг хмыкнула: – Забавно. Ты нанимаешься охранником, телохранителем, но на самом деле ни за кого не хочешь отвечать. Особенно за тех, кому нужен именно ты.

Принцесса повернулась к Стрелку спиной и ушла.

Глава третья

Писатель

Вечерний закат злой. С точки зрения физики именно в это время фиолетовый и синий цвета намного сильнее рассеиваются в атмосфере, потому на небе во всей палитре разливается красный от багряного до оранжевого. А красный – тревожный цвет, горячий, кровавый. К тому же, за день вместе с нагретыми потоками воздуха вверх вздымаются тонны пыли, наверняка они не добавляют свежести и нежности краскам заката. То восход румянит небеса как девичьи ланиты. А закат полыхает с яростью пожара. Блеском окровавленного кинжала, вспомнилось Стасу у Высоцкого: «Сверкал закат, как блеск клинка. Свою добычу смерть считала...» Впрямь, куда уж злее. Или как ещё у него... Кто-то злой и... та-та-та... веселясь, наугад мечет острые стрелы в воспалённый закат...

А колдуны на закате читают только чёрные, разрушающие заговоры.

Но одинаковых закатов нет и быть не может. Каждый неповторим, как папиллярные линии на кончиках пальцев – ведь атмосферные условия на этот час всегда разные. Потому небо, которым в эту минуту любовался Стас, было спокойным. Умиротворённым, даже. Лучи закатного солнца пронизывали разводья белых облаков, золотили их снизу.

Стас переменил позу, и плетёное кресло уютно скрипнуло под ним.

А смерть ведь тоже закат. Вот она – всегда ли злая? Не хочется признавать, но разум подсказывал: наверняка через несколько недель или месяцев он станет ждать смерть как благо. А если бы она пришла сегодня ночью? Без предупреждения, без неотвратимых страданий, после этого спокойного, примиряющего с действительностью заката. Это как? Хочет он для себя такого блага? Нет, рано. Болезнь ещё даёт отсрочку, и он хочет её использовать всю до последнего дня.

Хорошо, что Вера не дожила. Его милая, терпеливая Вера. Она не любила жаловаться. Бывало, приляжет днём, и видно, что нездоровится. А она: «Голова что-то разболелась, полежу и пройдёт. Нет, не надо ничего, я уже выпила таблетку. Не беспокойся, это так, пройдёт». А потом в три дня её не стало.

Женился Стас поздно. Но в те годы, что они были вместе, он берёт жену от невзгод, благодарен был за покладистость, терпение, за приятие его таким, какой он есть. В их отношениях главным было именно чувство благодарности друг другу. Она натерпелась от первого мужа-алкоголика и искала покоя и простого семейного тепла. Того же хотел Стас после лет «рабочего стажа», что имел за плечами.

Будь Вера жива сейчас, его мучили бы мысли о ней, о её страданиях и переживаниях за него, о влажном блеске в глазах. Теперь Стас был рад, что избавлен от этих печалей. Некому за него переживать, а значит и ему не о ком. Он примирился с врачебным диагнозом-приговором – а попробуй с ней не примириться, со смертью-то. Ну, а что именно такая выпала на его долю... Заслужил такую, выходит. Оно, может, ещё и милосердно, если припомнить, что накопил за душой за все прожитые годы. На своей работе.

С чашкой крепкого зелёного чая Стас сел за компьютер, открыл текстовый файл. Это было начало новой повести, новая история о его Принцессе.

– Здравствуй, – улыбнулся он в монитор. – Как ты здесь без меня? Ты уж извини, эту историю я не успею досказать. Но знаешь, я почти верю, что ты где-то есть. И будешь жить дальше, даже и без меня. Ведь говорят, мысль состоит из чего-то материального. А я столько о тебе думал все эти годы. Только о тебе и думал. Плёл и плёл, ткал тебя своими мыслями. Значит, ты есть. Я в это почти верю.

В последнее время ему особенно остро хотелось увидеть ту девочку, что стала его Принцессой. Пожалуй, это его последнее, пронзительное и, увы, несбыточное желание. Один бы только раз. Он боялся, что забыл её настоящее лицо. Или невольно заменил уже в большей степени придуманным, чем реальным.

А может быть, он увидит её там... за той демаркационной линией, что разделяет жизнь и смерть? Может быть, там встречаешь тех, кого любил и любишь. Наверняка она будет такой, какой увидел он её в тот день, впервые в жизни и больше никогда, ни разу. Беспредельно счастливая девочка, тоненькая, грациозная, с глазами, излучающими любовь. Она любила весь мир, каждого человека. Она танцевала так, будто у неё были крылья. Ему тогда впервые пришло в голову, что выражение «летает от счастья» именно и означает, что любовь, счастье буквально отменяют силу тяготения, нейтрализуют её в какой-то мере. Их видно, таких людей, они притягивают взгляд. Ах, как же хочется увидеть её напоследок... Увы, этот жестокий кровавый мир не для феечек.

Опять шевельнулась заноза в сердце. На миг пресеклось дыхание.

Окна в квартире раскрыты. Хмельные весенние ветры со всех сторон света влетают в них, вздымая шторы, гуляют тёплыми сквозняками по комнатам. Ветры пряно пахнут свежими, ещё клейкими листьями тополя, травой и почему-то шоколадом. Из всех времен года Стас больше прочих любил весну.

Звуки дня затихают, их сменяет музыка сумерек. Из ресторанчика напротив доносятся звуки саксофона, очаровывают и манят. Ветер, запахи, весна и саксофон сплетают собственную, ни на что не похожую мелодию.

Стас просматривал в компьютере папки и файлы. Многие удалял – как форточки закрывал, через которые чужие любопытные могли сунуть нос в его душу. Вдруг какой-то полузабытый текст увлекал его, и Стас читал, иногда улыбался, а то и посмеивался. А то сидел просто так, увлечённый куда-то посторонними мыслями. Он их не прогонял. У него нет больше неотложных, первоочередных дел.

Спать лёг как всегда, далеко за полночь.

В ту ночь писатель Стас Маренго умер.

Причина – остановилось сердце, выработав положенный ему ресурс.

Глава четвертая

Лиса

Я пришёл в себя от удара. Боль – это было первое из моих чувств. Второе – холод. Открыл глаза. Близко, перед глазами – земля. Я лежу на земле. Новый удар. Не сильный, а так, пихнули, чтоб расшевелить. Он заставил поднять голову, и я увидел тяжёлые берцы, много. Я потянулся взглядом вверх, это было трудно и я всё не мог дотянуться до лиц людей, толпившихся вокруг. Наконец я смог, я увидел их. Они были одинаково одеты, во что-то камуфляжное. Один беззвучно шевелил губами. Похоже, спрашивал о чём-то, но я его не слышал. Я попытался встать. Окостеневшее тело плохо слушалось. Оказалось, я лежал на земле в позе зародыша, абсолютно голый при этом. С трудом разогнул руки, повернулся, встал на четвереньки, попытался поставить одну ногу, чуть не упал, удержался. Не с первой попытки, но удалось-таки встать и кое-как разогнуться.

Теперь я тупо смотрел на беззвучно шевелящиеся губы человека напротив. Что-то начало проступать сквозь безмолвие, и я стал напряжённо ловить эти звуки. Наверно это усилие отразилось на лице, потому что я вдруг понял – человек спросил: «Ты не слышишь?» Это сложилось из отдельных тягучих звуков и артикуляции. Я отрицательно помотал головой. «Глухой?» – опять спросил человек. Я помедлил, пережаривая его вопрос, и опять помотал головой.

– Тыыыыы ктоооооо? – проступили тягучие и низкие звуки, наполовину услышанные, наполовину угаданные. Звуки не совпадали с движением губ.

Я? Кто я? Тут я понял, что не знаю этого.

Да кто же я? Ошалело шаря глазами по их лицам, я попытался сказать «Не знаю», и почему-то не смог. И язык казался невозможно тяжёлым, и губы онемели, как парализованные анестетиком. Почувствовал, что меня начинает трясти, обхватил плечи ледяными руками. И ведь воздух не холодный, почему ж я просто задубел весь?

– И чтооо с нииим дееелааать? – спросил один. – Не брааать же с собоооой.

Я обнаружил, что голоса уже не такие низкие и звуки тянутся меньше. Я сжал голову руками и потряс ею.

– Я попытался выдавить из себя хоть какой-нибудь звук и мне почти удалось. Но в сухом горле звуки превратились в колючий песок, я закашлялся судорожно, вздохнул. Увидел перед лицом фляжку, схватил, торопливо стал из неё глотать.

– Спасибо, – удалось мне выдохнуть, оторвавшись от горлышка.

– Ты кто такой?

Уф, наконец кажется всё встало на свои места. Голос звучал как надо, и слышал я нормально. Всё, да не всё.

– Где я?

– Я спрашиваю, – услышал в ответ. – Ты кто?

Я потёр лоб, изо всех сил пытаюсь найти хоть какой-нибудь ответ на этот вопрос.

– Я не помню... Ничего не помню...

– Что собираешься с ним делать? – снова спросил коротко стриженный парень с белыми, как у альбиноса, волосами. Спросил того, кто задавал мне вопросы, старшего, судя по всему.

– А ты что предлагаешь?

– Дальше идти. Мимо.

– Мне кажется, его надо показать Лисе.

– С какой стати всякого психа тащить к Лисе?

– Патрик, прикинь, – подал голос человек за моей спиной, – если мы его тут оставим, он, может, выживет. А если с собой вести, куда его потом? А если всё это специально, и привести такого к Лйсе? Чтобы потом на тот свет отправить?

Я обернулся. Голос принадлежал парню лет двадцати пяти, смуглому, худощавому, похожему на итальянца.

– А ты считаешь, вот такой в одиночку выживет? Голый, без оружия?

– Ну, мы тоже не армия спасения, – возразил Итальянец.

– Он странный. С ним что-то случилось, – сказал старший, Патрик.

– Да психический он, вот и всё, – скривил губы Альбинос.

– С нами пойдёт. Кэй, дай ему одеяло.

И я побрёл с этими не очень-то доброжелательными парнями к неведомой Лйсе, которая решит мою судьбу. А пока я радовался возможности завернуться в одеяло. Нагота среди одетых как-то унизительна, что ли. Одеяло было тонкое и лёгкое, но грело на удивление хорошо. От него и от ходьбы я скоро согрелся. Конечно, меня занимали мысли о том, куда меня ведут и что будет. Но эти мысли проходили так, краем. Главное же, что томило меня и мучило: кто я? что со мной случилось? почему ничего не помню? где и почему в таком виде?

Я пытался зацепиться хоть за какие-нибудь крохи воспоминаний... Нет, ни-че-го. Будто заслонкой отрублено *всё*, что было до того, как я очнулся от толчка ногой, на земле, голый. Да ещё в позу эмбриона свернутый. Ни дать, ни взять – новорождённый, табула раса. Но я же помню что-то! Ту же «Tabula Rasa» – «белая доска»! Выходит, забыл только прошлое своё? Почему? Интересно, почему меня «надо показать» некой Лйсе? Она имеет дело с такими «странными»? Может, она врач?

Много чего пришло мне в голову за время пути. Вот ещё одна странность – сколько времени мы шли? Я даже приблизительно не мог определить. Час? Или полчаса? Или три? Даже предположить не могу. Это было так же, как человек, ослепнув на один глаз, утрачивает функцию глазомера – он не способен определить, успеет перебежать дорогу перед автомобилем, или нет и по той же причине ставит стакан мимо стола. Или глухой на одно ухо не может определить откуда идёт звук. Вот так и у меня потерялось чувство времени. По солнцу тоже не получалось. Под низкой плотной пеленой тянулись бесконечные серые сумерки.

Как мы шли, где меня вели я не присматривался и не запоминал. Кажется, парни избегали открытых пространств. Вышли мы к дороге. Хорошая такая дорога, бетонная, с насыпью. И часть нашего пути совпала с ней. Так мы не по дороге пошли, а сбоку неё, вроде как прикрываясь насыпью.

Их было шестеро. Все молодые, спортивные. Чем-то неуловимо друг на друга похожие. Не внешне, а... может быть, смотрели одинаково. Цепкий взгляд, будто с прицелом. На меня, на местность вокруг, или что-то привлекло внимание – мгновенный, выхватывающий суть взгляд. Все они были молчаливы. Ни одного лишнего слова за всю дорогу. Все при оружии. У каждого нож на поясе, а Патрик, Альбинос и ещё один, кажется, самый молодой среди них, несли за плечами арбалеты. У остальных на поясе имелось ещё что-то вроде кобуры.

Конец пути обозначился невысоким холмом. Это я позже про конец пути узнал. А пока мне приказали стоять на месте, тогда как остальные пошли дальше и скрылись за холмом. Со мной остался Альбинос. Безо всякого волнения я ждал, что будет. На меня будто даже оцепенение какое-то нашло. Потом я увидел с кем вышел из-за холма Патрик.

Рядом с ним шла девушка. Она едва доставала ему до плеча. Такая же пятнистая куртка, как на парнях, штаны, заправленные в высокие ботинки на тяжёлой профилированной подошве. Снаряжение делало её фигуру мешковатой. Но шла она легко, упругой походкой. Как-то уверенно очень шла, по-хозяйски. Лица её я сначала не разглядел, да и не особенно всматривался. Вниманием моим завладела экипировка. Явно военного образца, не простая. Хорошо продумана. Но какому роду войск принадлежит это снаряжение? Не знал я или забыл?

Девушка была уже метрах в пяти от меня, когда я посмотрел ей в лицо. Дыхание прервалось, как будто мне под дых саданули. Моя Принцесса шла ко мне. Это была она! Тонкий абрис лица, глаза, губы... Всё, чем я любовался в тот далёкий, страшный день. Я очумело смотрел на неё, и первое мгновение радости как ледяной волной смыло: не может быть! я видел её мертвой!

Вдруг я понял, что упала пелена с моего прошлого! Ко мне вернулась память. В ту минуту я не давал себе отчёта, что вернувшаяся память порождает ещё больше вопросов. Куда больше, чем даёт ответов. И я не знал ещё в ту минуту, что завеса поднялась не до конца.

Она остановилась в паре шагов, оперев в меня угрюмый взгляд. Ни вопроса в нём, ни любопытства, ни капли мягкости. Просто смотрела, не отводя глаз. И я молчал, ошеломлённый происходящим. И тоже не отводил глаза. Лицо её было непроницаемо, но на дне двух сумрачных колодцев будто плавился лёд, что-то менялось... Ещё, ещё мгновение...

Она отвернулась:

– Дай ему что-нибудь надеть и закрой.

Повернулась и ушла.

Патрик дёрнул подбородком: иди. Мы пошли за холм, куда раньше ушла группа и теперь Лиса. Я молчал, не понимая, что происходит. Потому что происходило что-то, чего никак не могло быть. Та девушка была убита. Я держал на руках её тело, иссечённое осколками. Я хоронил её. Что, поверить, будто она воскресла из того кровавого месива?

Меня даже как-то не удивило, что в склоне холма оказался малоприметный вход в бункер, в просторное квадратное помещение с серыми бетонными стенами. В стенах были прямоугольные проёмы. В один из них Патрик направил меня, толкнув в плечо. Я вошёл в тёмный коридор. Сзади вспыхнул фонарик, и я разглядел справа бетонную стену, а слева решётки, клетки. Звонко лязгнула решётка за моей спиной и Патрик уже уходил, унося с собой свет, когда я спохватился:

– Послушай, я вспомнил. Я – Стас Маренго, писатель из Славгорода, с Алтая.

Глава пятая

Решётки

Вскоре мне просунули сквозь решётку какую-то одежду. В темноте я кое-как разобрался, что это были спортивные штаны и майка, натянул их на себя.

Когда Патрик втолкнул меня в клетку, при свете его фонарика я успел разглядеть, что клетка маленькая и абсолютно пустая, не на что сесть, не на что лечь. Хорошо, не забрали одеяло. Я накинул его на плечи и сел, подвернув под себя, прислонился к решетке рядом со входом. Надеялся что-то услышать, но звуки, что доходили до меня, оказались приглушёнными до полной неразборчивости.

– Эй! – позвал я на всякий случай. – Тут есть кто-нибудь?

Поблизости, я видел, соседей у меня не было. Но вдруг обнаружится ещё один бедолага поодаль, в темноте. Увы, никого тут не было, кроме меня. Видать, не любили ребята брать пленных.

Ну ладно, коль ответы мне тут не от кого получать, разберусь-ка я в себе самом.

Я теперь знал своё имя и чем занимаюсь. Адрес? Да, помню. Семья?

Вера умерла три года назад от инсульта. Дети... Нет, детей у нас с Верой не было, точно.

Так, я писатель. В кабинете в книжном шкафу полка с моими книжками. Шесть штук. Маловато. Это потому, что писать я начал поздно. Примерно в то же время, как женился. А раньше я занимался... Чёрт, не помню! Чем я занимался до того, как начал писать? Ведь там целая жизнь была, почему я её не помню?! Стоп. А детство? Юность? Да, это помню. Я закрыл глаза, потёр лицо ладонями. Да что же со мной происходит?

Ладно. Откуда я знаю эту Лису?

Я помню девушку, которая потом стала моей Принцессой. Мы случайно оказались на её свадьбе. Мы – кто? Я и... опять белое пятно. Так. Небольшое село, горы вокруг, много людей. Я знаю, они там были, люди, но вижу только ту девушку, невесту. Что за место? Афган, Чечня? Дагестан? Почему именно эти горячие точки пришли сейчас в голову? Как я с ними связан и почему там оказался? Я бывший военный или, может, с гуманитаркой что-нибудь?... Опять белое пятно. Но девушку помню хорошо. Помню, как смотрел и не мог насмотреться. Если терял из вида, нетерпеливо выискивал глазами. Чем поразила она меня? Очарование юности и невинности воплотилось в этой девочке. Я радовался, что замуж она идёт за любимого. Чтобы это понять, достаточно было только раз увидеть её сияющие глаза. Она была счастлива, переполнена любовью. Улыбка не сходила с лица. А как она танцевала, как двигалась! С этой воздушной грацией надо было родиться. Я любовался ею и сожалел о том лишь, что уже через несколько часов жизнь разведёт нас. И невозможно налюбоваться впрок. Но развела нас не жизнь, а смерть. Ад взорвался в самом центре танцующей свадьбы. Начался обстрел. Или бомбили? Не помню. Знаю, что кинулся к ней – закрыть, увести. Не сразу нашёл. Потому что среди живых и мёртвых искал белое платье, а оно стало красным. Я не успел.

Мы не ушли из села, пока не похоронили её. Но и уходя, я уносил её с собой, в моём сердце. Моё к ней чувство не было любовью с первого взгляда. Не о женщине я думал и тосковал. Эта девочка была чудо, радость, юность, невинность, а по ней рваным горячим металлом... Чудовищно, нелепо, невозможно.

Я писателем-то стал потому, что хотел писать о ней. Я будто продлевал ей жизнь. Все шесть книг были о ней. Я оживил мою маленькую Принцессу, сочинял её жизнь и проживал её вместе с ней, потому что в этой жизни я всегда был рядом, хранил и защищал.

И вот сегодня я увидел её. Я не мог ошибиться. Убитая девочка-невеста и Лиса – одно лицо. К тому же, я готов поклясться – она узнала меня! Хотя на свадьбе было столько народу,

сомневаюсь, что она могла меня заметить и запомнить. Да что это я? Какая разница, заметила-не заметила. Её нет, она никак не могла сегодня стоять передо мной. Но тогда кто стоял? Я всё не мог перестать отождествлять Лису с юной невестой из своего прошлого, хотя твёрдо знал, что та девушка умерла. А, может быть, сестра-близнец? Почему нет? Но имя... Я придумал его для моей Принцессы. Уж не знаю, существует ли такое женское имя. Едва ли. Нет, что-то здесь не так. Фантасмагория какая-то... Я встречаю девушку, как две капли воды похожую на ту, убитую и собственноручно похороненную десять лет назад. Та девушка стала прототипом для героини моих романов, для принцессы по имени Лиса. Но так зовут эту, сегодняшнюю девушку, входящую в состав какой-то боевой группы... И да, она меня узнала! Никак иначе нельзя истолковать то, что проступало в её глазах, пока она смотрела на меня – узнавание! Однако Лиса почему-то не подала вида. От кого она решила скрыть, что знает меня? От своих товарищей? Почему? Во всяком случае, мне тоже надо помедлить с дружескими объятиями. Но неужели она не только заметила меня среди гостей, но и запомнила?.. Тьфу, что за мешанина у меня в голове! Девочка-невеста погибла, я своими руками положил её в могилу! Не надо, бессмысленно тянуть какие-то нити от сегодняшней Лисы к той девочке в прошлое!

Вот они, трое. Первая: девочка-невеста, имени которой я не помню, но точно не Лиса. Я видел её раз в жизни, в день её свадьбы. В тот день она погибла, я хоронил то кровавое месиво. Вторая: принцесса Лиса, главная героиня серии моих книг, появилась в память о той убитой. Третья: я встретил её сегодня, член боевой группы, по всей видимости. У неё внешность первой и имя второй.

Я чувствовал, в этом есть какой-то смысл. Но не видел его. От досады я долбанул затылком по решётке. Не помогло. В голове по-прежнему только срач, разброд и шатание. Ещё разруха и запустение. Ладно, может с другого конца зайти. Вчера вечером, то есть ночью, я лёг спать...

– Опа! – вдруг как иголкой кольнуло. – Что-то про хворобу свою ты, братец, того... ни разу не вспомнил. Как-то несолидно, легкомысленно даже. Так, чего доброго, и помереть забудешь. Надо же, – я хмыкнул, – вчера помнил, обречённым себя чувствовал, чего-то из компа удалял. А утром и думать забыл.

Хотя, почему-то забыл я многое. Да и утро выдалось... не рядовое.

Что произошло, пока я спал? Я тщетно рылся в памяти – хотя бы крохотный клочок смутных воспоминаний, ощущение какое-нибудь сквозь сон. Может, усыпили меня и сонным перевёзли? Фу, глупость какая! Кому я нужен, стоящий одной ногой в могиле. И усыплять, перевозить для того лишь, чтобы раздеть донага и выбросить?

Так телепортировался я что ли? Да, вот именно так это и выглядит. А одежда моя лежит сейчас на моей кровати, покинутая телом. Жаль, не верю я в эти чудеса. Но если бы верил, сказал бы: да, ночью произошла какая-то самопроизвольная телепортация меня. Правда, неизвестно куда. И вот теперь я тут. Не знаю где.

Мне бы поговорить с Лисой. Или хоть с кем-нибудь. Или пока не надо? О чём говорил Итальянец? Что если оставить найдёныша голым среди чиста поля, он, может, и выживет... Выходит, сейчас события развиваются наиболее невыгодным и опасным для меня образом? «Привести такого к Лисе, чтобы потом на тот свет отправить», – сказал Итальянец. То есть мне сейчас край как надо доказать, что я им не враг, я свой и вообще хороший. Ох, чую, не очень-то меня такой расклад устраивает. Как я всё это докажу? Никак. При таком раскладе «тот свет» маячит мне значительно ближе, чем стать им сотоварищем. А это меня уж совсем не устраивает. Вот только если и вправду Лиса намерена разыграть меня как карту, припрятанную в рукаве... Может, в этом мой единственный шанс? Если только карта моя не окажется битой.

Я много чего успел передумать. Впрочем, я теперь уже не забывал об оставшейся кратковременности своего бытия, и в этом свете происходящее начал воспринимать иначе. Теперь это было вроде неожиданного приключения под самый занавес. Забавно. Хотел же увидеть

свою девочку-мечту. Стоп, а не сон ли это?! Озарение вспыхнуло разгадкой. Я щипнул себя за ногу. Было больно. Эммм... не разгадка...

Потом пришел Кэй с фонариком и просунул под решетку миску, ложку и кружку. Я не успел рассмотреть чего он принёс, и опять оказался в темноте. Оставалось полагаться только на вкусовые ощущения. В миске было варево из непонятных овощей с волокнами мяса – с тушёнкой, что ли? На вкус вполне съедобно, я бы и ещё мисочку умял за милую душу. В кружке оказалась простая вода. Посуда была вроде как пластиковая, но жёсткая, прочная.

Сейчас кто-нибудь явится за посудой. Может, стоит спросить или попросить о чём-то? Хотя бы в сортир попроситься? Или не стоит форсировать события? Забыть обо мне они точно не забыли, а торопиться мне особо некуда. Ладно, подожду, пусть ходят первыми. Лиса... моя девочка-невеста... моя придуманная принцесса... и понятия не имею кто эта, реальная, из крови и плоти. И не определил ещё своего к ней отношения. Нет, пусть ходит первая.

Я допил воду, сложил всё в миску и высунул под решётку, в проход. Вскоре опять пришёл Кэй и молча забрал посуду.

Апартаменты мои были убоги до крайности. Когда от сидения затекли ноги и спина, я попытался размяться пешком. Ага, в клетке в три шага длины и два ширины, всё равно что на одном месте топчешься. Я поразвлекался кой-какими упражнениями и опять сел на обжитое место. Со стороны входа до меня давно уже не доносилось почти никаких звуков. Или они все спать легли, или ушли опять. Но я был всё же не один. Изредка слышал-таки негромкие стуки, позвякивание, шаги.

Глава шестая

Гард

Гард не любил людей. Всех. За единственным исключением – Учитель. Для остальных у него было всего два чувства: одним ненависть, другим презрение.

Сегодня он снова пойдёт развлекать их. Будет видеть восхищение в глазах мужчин, туман желаний в глазах их женщин, самодовольную кичливость хозяина. Как будто достоинства раба придают значимости его господину. Гард слегка дёрнул губами. Он будет дарить им улыбки. Будет слушать слова восторженной похвалы. И кто-то опять расскажет, что слава юного танцора, раба владыки Саидхаруна бен-Яира, разлетелась далеко за пределы Арастана.

Те, кто видел его в танце, не подозревали, что отныне и вовеки покорены этим юношей. А он будет склонять перед ними голову в знак благодарности и покорности, перед ними, очарованными магнетической притягательностью и надменной грациозностью. Знаки – это ему не трудно.

Он вышел в пиршественный зал не привлекая к себе внимания, шаги его были легки и беззвучны. Он не старался ступать неслышно, в нём жила эта кошачья вкрадчивость и мягкость.

Он прислонился к колонне поодаль от возвышения, на котором восседал Саидхарун бен-Яир, окружённый цветником из самых юных наложниц. Интерьер и устройство этого просторного зала были решены в старинных традициях. Сюда надо было являться в нарядах ушедших эпох, чтобы платье не стесняло, когда гости сидели на коврах и подушках. Гостям, прибывшим ко двору на шикарных авто, нравилось окунуться в прошлое из дня сегодняшнего.

Одет был Гард в чёрное: широкие штаны-шаровары из тонкого шёлка, короткая жилетка и широкий кожаный пояс низко на бёдрах. Голову он повязал чёрной же банданой. Теперь уже не расшивают его одежду золотыми и серебряными нитями, россыпью блёсток и камней. Сколько раз сдирал он всю эту мишуру, за что был жестоко наказан. Но в следующий раз опять срывал все украшения до одного, рвал искусные вышивки. Он не помнил сколько раз, прежде чем новый костюм для танца оказался безо всякого намёка на украшательство. Дерзость мальчишки и странное равнодушие к наказанию раздражало, потому наказан он бывал часто. Ломали его дерзкую натуру, непокорность. Плакал он лишь в детстве, но всё реже и реже, лишь в глазах разгоралось чёрное пламя. А дерзить всё-таки стал меньше и покорности прибавлялось, как замечал Саидхарун бен-Яир. Мальчишке пришлось смириться с тем, что он раб.

В свои девятнадцать он уже почти утратил юношескую нежность черт, сияние и бархатистость кожи. Глаза уже утратили тот особый блеск, которым светятся в радостной открытости и любопытстве к миру. Тело его было подтянуто, в меру мускулисто и жёстко. Загорелая кожа, много раз дублёная плетью, носила её следы. Глаза, соответственно образу, казалось, должны быть тёмные, непроницаемые. Но они удивляли яркой чистой голубизной. И волосы были очень светлые. Коротко стриженные, они почти полностью скрывались под банданой.

Эти короткие волосы тоже были камнем преткновения. Шевелюра у мальчика была густая и, чуть только отрастала, красиво ложилась локонами цвета белого золота. Бен-Яиру это очень нравилось, но строптивый мальчишка не позволял волосам отрастать и портил их. Когда придворный парикмахер отказывался его стричь, следуя приказу Саидхаруна, он просто выстригал клочья, срезал ножом или бритвой. И, конечно, был за это бит. Но потом всё-таки коротко подстрижен в исправление того, что натворил. Через недолгое время всё повторялось. И отстоял-таки Гард своё желание носить короткие волосы.

Он старательно и последовательно вытраивал из себя малейшие черты нежности, женственности после того, как принуждён был стать придворным танцором шераха, танца обо-

льщения и соблазна. Женского танца. Нет, мужчины его тоже танцевали, раньше, столетие-два назад. И носили женскую одежду.

Гард танцевал шерах так, что именитые гости приезжали к бен-Яиру издалека, чтобы посмотреть на его раба, чудо-танцора. Гард танцевал шерах, и это было его оружие, в прямом и переносном смысле.

Он стоял, небрежно прислонившись к мраморной колонне. Его бедра были чуть-чуть выдвинуты вперёд, а ноги слегка раздвинуты.

Большие пальцы он просунул за пояс, остальные оказались направлены вниз слегка навстречу друг другу, превращаясь на чёрном шёлке в выразительно указующую стрелу. Вполне естественная поза... грубый и откровенный сигнал агрессивной сексуальности. Ох, как хорошо понимали женщины это безмолвное послание. Тоже вполне естественным образом, на уровне подсознания.

Его почти сразу заметили. Их глаза касались его, скользили по телу, уходили, но возвращались опять, отвлекая внимание от неспешной беседы и трапезы. Вот уже не осталось ни одного человека, кто не заметил бы его присутствия, ненавязчивого, в стороне. Наконец и Саидхарун обернулся, повёл раскрытой ладонью, молча повелевая выйти в центр.

Гард владел языком тела и использовал его идеальным образом. Он обладал грациозностью, надменной грациозностью, которая вызывает зависть у мужчин и покоряет женщин. Каждой позой, каждым шагом он повторял и подтверждал своё сексуальное послание и «замыкал» зрителя на себя.

Он вышел в перекрестье их взглядов, наполненных ожиданием.

Он – красивый, страстный, великолепный, стоял неподвижно с опущенными лопатками, с гордо откинутыми плечами. Позволял им любоваться полубожажённым торсом, красивым телом.

Раздались чувственные пульсирующие ритмы дарбуки.

– Дун! – низкий открытый удар в центр мембраны, длинный и гудящий.

– Тэк! – высокий и звонкий, по краю.

– Бак! – закрытый взрывной удар ладонью-лодочкой.

Дарбука то вскрикивает звонко и дробно, то издает длинный и тягучий тяжёлый звук, то мягкий, шуршащий, извлечённый упавшими на мембрану расслабленными ленивыми пальцами.

Дун-тэк-ка-дун! Тэк-тэк-тэка-дун! Дун-тэка-тэка-дун! – сплетается ритмический узор.

Он волнуется, подчиняет ритм пульса и биение сердец. Рождаются не просто звуки, это особые частоты. Их начинают слышать кожей – она невольно резонирует с мембраной дарбуки. Барабанные ритмы возбуждают, пробуждают инстинкты. Ожидание оборачивается нетерпением: почему он заставляет так долго ждать?! Но неожиданно обнаруживается – будто бы неподвижное тело юноши охвачено дрожью от плеч до кончиков пальцев, до самых стоп. Он похож на горячего, породистого жеребца, которого сдерживают удилами. Лёгкие волны прокатываются по мышцам живота вниз снова и снова.

– Тэк-тэка-дун-бак!

Танцор застывает на мгновение, кажущееся долгим, и вдруг резкое движение бедром вверх, как удар. В его крови огонь, и рвутся удила – тело взрывается быстрым, стремительным, маневренным, невероятно пластичным вихрем, потрясающим тех, кто видит его впервые. В его шерахе – танце оболщания и соблазна – нет и намёка на женственность. Он, злой и стремительный, танцует жёстко, создаёт уникальное сочетание пластики, красоты и мужской силы. Повтор ритмичных движений будоражит кровь. У зрителей учащается стук сердец, по коже бегут мурашки.

Взрывной выплеск энергетики затихает, замедляется ритм – основа основ, сердцебиение танца. Вплетаются звуки нежной спокойной музыки и низкий мужской голос.

Его тело наполняется изменчивой природой чистых звуков и само становится музыкой. Оно показывает музыку потрясающими связками танцевальных движений и поз, струится в потоке мелодии.

Тело извивается змей, волнами, маятниками, один элемент плавно и незаметно перетекает в другой. Плавные, с оттяжкой, повороты корпуса, плеч и рук. Наполнена чувственностью гибкая тягучесть поз, он порочно расслаблен и абсолютно раскрепощён. Расслабленность тела даёт ощущение неги, лёгкости, томления. Тело Гарда – ось покоя, вокруг которого разворачивается магическое действие танца.

Но грудь танцора начинает блестеть от пота. Вот что скрывается за лёгкостью и изяществом – огромные физические затраты и выносливость. Гард выплескивает огромную энергию, которая возмущает пространство вокруг него. Он вырвал объём пространства и создал в нём особое энергетическое поле.

Гард не танцует для них, он подчиняет их себе и заставляет испытывать перед ним подсознательный трепет. Он замкнул на себе их взгляды, мысли, желания и знал, что сможет держать столько, сколько захочет. Гард выбирает глазами то одного, то другого – они чувствуют себя избранными, они ловят его послание. Без единого звука он рисует танцем каждое слово. Каждое его движение несёт смысловую нагрузку – код. Расшифровка его происходит на уровне чувств, приобретает телесный, инстинктивный характер, а это гораздо сильнее разумного восприятие. Танец минует рациональный уровень, воздействует на глубинные слои человеческой психики. Танец Гарда богат кодами, он весь – послание.

Гард ловит взгляд Саидхаруна – глаза указывают цель. Или жертву. Гард никогда не знает, для чего эти жертвы нужны хозяину. Может быть, замешаны политические или меркантильные интересы. Да ему это абсолютно всё равно. Ни одна его жертва ни разу не вызвала в нём ничего, кроме презрения.

Движение плеч – и короткий жилет падает на пол. Раскинутые в стороны руки превращаются в тело змеи, лежащей на плечах юноши. Его торс, плечи неподвижны, а руки изгибаются в змеиной тягучей медлительности. Мягкие руки, четкие движения бедер... Гард танцует только для этой женщины. Гипнотический танец удава перед жертвой. Плотно сжатые вытянутые пальцы с поджатым большим пальцем – кисть руки превращается в змеиную голову, кажется, вот-вот метнётся длинный раздвоенный язык...

К рукам приковано внимание женщины, но движения бёдер диктуют свой код. На уровне живота, чуть выше пояса, лежащего на бедрах Гарда, скрыта шестая чакра. Движение живота, ритмичные и плавные удары бёдер стимулируют её, высвобождая чистую сексуальную энергию. Сейчас она направлена на ту единственную, для кого танцует Гард, он делится с ней этой энергией, инициирует её желание. Он знает – результат всегда неизменен.

Гард делает резкий выпад, и зрители отшатываются, будто и впрямь от броска змеи. Женщина вскрикивает. Лицо её пылает, дыхание беспокойно. Ночью она придёт.

И снова дарбука взрывается вихрем ритмов. И снова сила рвётся сквозь вкрадчивую пластику. Динамика и резкая смена движений. Он кошка. Но не та, которую хочется погладить. Злая, опасная, хищная кошка, в диких глазах которой можно увидеть собственную смерть. Но как же завораживает вкрадчивая кошачья грация! Хочется без конца любоваться великолепной осанкой юноши, его фантастической пластикой – будто в нём нет костей, и отточённостью каждого движения.

Его не берёт усталость, бешеная энергия не убывает и всё так же пробирает до мурашек. Или он впрямь умеет находить в танце покой и отдых.

Я не заметил как уснул. Проснулся от звука шагов и увидел приближающийся свет. На сей раз это был Альбинос. Он повёл меня не в ту большую комнату, а в другую сторону, мимо пустых камер-клеток. Пару раз свернули по коридорам, едва освещённым редкими тусклыми лампочками, потом были двери, и мы оказались в похожей же на ту, первую комнату.

В ней было светло. Горели два ряда электрических лампочек, забранных в металлические сетки, привинченные к потолку. Помещение было поделено на зоны. Одна для отдыха. Прямо на бетонном полу были раскатаны теплоизолирующие коврики-карематы, на некоторых лежали спальные очень солидного вида. Другая зона – для приготовления и приёма пищи, с длинным столом и пластиковыми раскладными стульями, с газовой плитой на несколько конфорок, раковиной с краном и парой навесных шкафов. Вот в эту кухонную зону меня и направили. За столом сидел Патрик. Мне указали стул напротив него, по другую сторону стола.

– Ну, что вспомнил? – спросил Патрик.

Я оглянулся, поискал глазами. Лиса была тут. В эту минуту она подошла к дальнему краю стола и села там. Сложила руки на груди, откинулась на спинку стула. Что ли Патрик тут главный? Не она?

Здесь же были все шестеро уже знакомых мне парней, и ещё трое, кого я раньше не видел. Сейчас они были в одинаковых майках с короткими рукавами, в камуфляжных штанах и ботинках милитари.

– Вспомнил, – сказал я. – Меня зовут Стас Маренго, я писатель. Живу в Славгороде.

– Где ты живёшь? – прищурившись, переспросил Патрик.

– В Славгороде, это на Алтае.

Они почему-то переглянулись.

– Где такое? – опять спросил Патрик.

– Вы что, ребята, – я не понял, смеются они что ли? – Алтай!

– Не слышал, – с самым серьёзным видом заявил Патрик.

– Алтайский край, – как попугай повторил я, чувствуя себя если не дураком, то почти.

Патрик отрицательно покачал головой.

– В Аскаланта нет Алтайского края.

– Как?! – я подумал, что ослышался. – Где?!

– В королевстве Аскаланта.

– Да ладно! – воскликнул я в крайнем изумлении.

Я готов был расхохотаться, но тут вспыхнула догадка, которая меня разозлила. Я вспомнил, что был какой-то телевизионный проект – убей, не помню, как называется. Там выбирали какого-нибудь медийного чела, типа устраивали ему нехилую подлянку, всё это снимали на камеру, а в конце вваливалась толпа с букетами и радостно вопила: «Розыгрыш!!!» А, ну точно, так это дурацкое шоу и называлось. Конечно, «подлянка» была заранее срежиссирована и отрепетирована. Или нет?.. Я в «Розыгрыше»? Ну и вломлю я этим придуркам! Аскаланта! Государство, которое я придумал. В котором жила моя принцесса Лиса. Тут я опять взглянул на девушку, сидящую в конце стола, и как отрезало всё моё прозрение: но она-то здесь откуда? Ни в какой розыгрыш она не вписывалась. Нет, могли, конечно, типа двойника найти, загримировать... Но откуда им знать, как выглядела девочка-невеста. Я даже нигде никому не говорил, что Принцессу я пишу с неё.

– Эээ... есть у вас карта? Любая. Хоть географическая.

Возникло молчание, и паузу эту прервала Лиса.

– Дайте, – сказала она негромко, но так, что услышали все.

Ага. Значит, не Патрик...

Кэй принёс и развернул передо мной на столе карту. Большими буквами – русскими – сверху было написано «Карта королевства Аскаланта». Были тут и сопредельные государства. Я видел знакомые названия – мной придуманные! – и незнакомые. Я посмотрел на Лису. Она выжидательно, чуть исподлобья смотрела на меня. Они все смотрели. Мне нечего было им сказать, кроме очевидного.

– Здесь нет Алтая.

– Может, ещё что скажешь? – спросил Патрик.

Я молча покачал головой.

Лиса сделала короткий жест, и Альбинос сзади сказал: «Вставай». Я снова оказался в своей клетке.

Поговорили. Прояснили ситуацию, называется.

Опять я сидел в темноте и сам на сам задавал вопросы и искал ответы.

Итак, если отказаться от идеи, что всё это дурацкий розыгрыш, приходится принять, что я оказался в мире, который придумал. А, может, вправду существует такое какое-нибудь крохотное малоизвестное королевство, и я когда-то о нём слышал, да забыл. И считал, что название своей выдуманной стране взял из мира геймеров, а на самом деле оно выплыло из дебрей памяти?.. Ага, и в нём говорят и пишут по-русски. Просто затерялось где-то в необъятной России.

Нет, легко сказать: оказался в мире, который придумал. И милости просим в психушку. Но у меня, вроде, с крышей всё нормально. Хотя относительно, конечно, полный разброд в ней продолжается. Но, с другой стороны, имелись же случаи материализации идей у писателей. Флобер чуть коньки не двинул, когда травил мышьяком свою госпожу Бовари. А Диккенс видел в уличной толпе своих придуманных персонажей и скрывался от них. Ну-ну, вспомнить ещё шизофрению Гоголя, и как перед смертью мучили его видения чертей и прочей нечисти из его сказок, и всё встанет на свои места.

Ладно. Я в королевстве Аскаланта. Королевство... тоже ладно, пусть. Есть же современная Англия с её монархией. Но в моей Аскалante непоседа Лиса бегала по королевскому саду, подхватив длинные юбки, и браслеты звенели на тонких запястьях. Она не ходила в камуфляже и берцах и не возглавляла военизированную группу отчаянных парней. И она что-то знает обо мне. Стоп. А нет ли Стрелка в этом мире? Тогда всё сходится, и понятно Лисино узнавание меня. Ведь Стрелок в историях о принцессе Лисе – я сам. Нет, опять не сходится – парни-то меня не узнали. Значит, ни разу не видели. Надеюсь, мы с Лисой хотя бы по одну сторону баррикад. Или Стрелка тут нет. Может, так и лучше. Не хватало ещё встретиться со своим двойником. И всё же откуда-то Лисе моё лицо знакомо.

Хмм... а ведь я как-то забавлялся мыслью, что неплохо бы писателям после смерти попадать в мир, который они создали, и встретить в нём своих персонажей. Писал всяких гадов, подлецов, маньяков – вот и живи теперь с ними. А в моём мире жила бы принцесса Лиса, и я был бы счастлив. И вот я в моём мире, но почему он вовсе не такой, каким я его придумывал?

Да ладно, хватит уже этой глупой мыслий развлекаться. Я же не умер.

Глава восьмая

Из сочинений Стаса Маренго. Стрелок.

Тогда, на берегу пруда, Стрелок не придал большого значения словам Принцессы. Почему-то они совсем не затронули. Мысли его касались больше её поведения, манеры держаться – с достоинством и ноткой высокомерия. Ведь она обращалась к нему с просьбой. Просила остаться, поменять бродячую вольную жизнь на осёдлую. Но подала эту просьбу как распоряжение.

«Истинно королевское величие, – усмехнулся про себя Стрелок. – И она с ним родилась».

Наутро, когда собирался в путь, даже не вспомнил о пожелании принцессы. Но вот что странно – позже обнаружилось, что в его памяти осталось каждое слово девочки. Шло время день за днём, неделя за неделей, а разговор с нею не желал забываться. Более того, слова её прорастали раздумьями и удивлением. Откуда она, почти его не зная, виделась-то считанные разы, а разговаривали и того меньше, так откуда такое отношение к нему? Может быть, вправду, детская влюблённость? Нет. Он поверил Лисе, что нет, не влюблена она в Стрелка. Какая-то особая тяга...

И Стрелок не мог теперь не признаться себе, что чувствует к ней нечто похожее. С тех пор, как нашёл её на том звёздном перекрёстке, не было и дня, в который он не подумал бы о Лисе. Каждую ночь, отходя ко сну, Стрелок и ей желал доброй ночи.

«...на самом деле ни за кого не хочешь отвечать» – так она сказала, и это была истинная правда. Он постоянно кого-то охранял, защищал. Но отработав, получив причитающееся, часто забывал тех, кто благодаря ему оставался жив. Забывал всех, только не ту малышку, что живёт тоже, благодаря ему. Его-то что тянет к ней?! Он не мог себе ответить.

В этот раз работа ему нашлась в первом же заезде двора, перед которым он под вечер остановил свою лошадь. Зажиточный посёлок раскинулся вблизи речной переправы. Дома здесь были добротные, обнесены крепкими высокими заборами. К проезжим людям тут привыкли – через посёлок проходила большая наезженная дорога и спускалась к переправе. Продолжался тракт за рекой и вёл в город, что лежал в двух дневных переходах отсюда и славился ярмарками. Туда Стрелок и держал неторопливый путь – купцы ведь всегда нуждаются в верном спутнике и надёжной защите.

Впереди показался большой двухэтажный дом с длинной коновязью. Нижний этаж был сложен из серого камня, а надстройка верхнего этажа была деревянной. Стрелок повернул к этому дому и не ошибся, разглядев доску прибитую к столбу. На ней значилось «До счастья три шага» и стрелка указывала направление, чтобы уж не ошибиться по пути к счастью. Путник спешил, бросил повод на коновязь и поднялся на крыльцо.

Внизу располагалась корчма. В это время народу здесь столовалось немало. Больше сидели компаниями, но были и одиночки. Стрелок прошёл к человеку за стойкой. Тот встретил сначала острым, распознающим взглядом, потом почему-то разулыбался, как знакомому. Стрелку он знаком не был.

– Ты хозяин? – спросил он.

– Точно так, хозяин.

– Мне комнату на ночь. Вели сейчас же принести туда воды. Да распорядись мою кауру разнуздать, накормить и напоить.

– Сделаем в лучшем виде, господин хороший, на ночь в конюшню поставим, – заверил хозяин счастья и, высмотрев в зале подростка, собирающего в эту минуту пустые кружки с одного из столов, махнул ему рукой и велел проводить Стрелка в комнату.

Не прошло и пяти минут – принесли ведро воды и большой медный таз. Стрелок вылил в него воду, разделся до пояса и долго и с удовольствием смывал пот и пыль, расплескивая воду на пол. Потом, облачившись в свежую рубаху, спустился в корчму. Попросил хозяина послать убрать в комнате и почистить его одежду.

На ужин хозяин предложил томлёный суп в горшочке, замазанном сверху ржаным тестом, добрый кусок нежной телятины с белой фасолью, промаринованный, напшигованный приправами и запечённый на углях до хрустящей корочки. И, разумеется, ужин не ужин без доброй бутылки красного вина. Стрелок одобрил предложение хозяина, только вместо вина попросил медового сбитню на яблоках, и уселся за свободный стол у дальней стены, откуда вся зала была у него как на ладони.

Как скоро догадался Стрелок, владела заезжим двором одна семья, члены этой семьи и работали здесь. Организовано всё было чётко и спокойно.

Каждый новый, едва появившийся на пороге гость, тут же брался на заметку всеми работающими в зале. Потом бывало довольно лишь взгляда хозяина, чтобы поспешить к нему за поручением.

Расторопная молодуха, лицом очень схожая с хозяином, уже несла горшочек, обернув его полотенцем. На кухне, в печи, десяток таких горшочков стояли наготове, подвинутые к зеву, а в глубине печки допревал ещё с десяток – томлёные супы заслуженно пользовались спросом.

Поставив горшок на край, молодка обмахнула полотенцем и без того чистый стол, поставила суп перед гостем, положила ложку и с улыбкой пожелала: «Кушайте на здоровье!»

Стрелок отломил край ржаной лепёшки, что служила крышкой. Она была мягкая, румяная, в меру поджаренная. Из горшочка в образовавшееся отверстие вырвалось такое ароматное облако, что Стрелок поневоле глубоко вдохнул его, смакуя густой запах томления и приправ.

После сытного и вкусного ужина самое время выкурить трубку. Стрелок неторопливо, небольшими порциями укладывал табак в чашку трубки, каждую тщательно утрамбовывал и выглаживал большим пальцем. Время от времени потягивал воздух через мундштук, проверяя, как он проходит. Стрелок исполнял ритуал, предшествующий собственно курению, и он был не менее приятен и важен. Потом раскурил трубку, потянул воздух носом, чтобы почувствовать аромат и вкус табака. Курил он давно, ему нравился и сам процесс курения, и аура покоя, окутывающая его в это время. Иногда трубка была необходима, чтобы привести в порядок мысли и принять какое-то решение.

Закончив ритуал раскуривания своей любимой трубки с довольно длинным прямым чубуком, Стрелок откинулся на спинку стула и скользнул глазами по залу. Привлёк внимание хозяин и один из тех гостей, кто прежде вкушал ужин в одиночестве. Теперь он разговаривал с хозяином, склонившись к нему над стойкой – разговор явно шёл о каком-то приватном деле. И тут хозяин бросил короткий взгляд на Стрелка. Собеседник его повернул голову и посмотрел в его же сторону. Встретившись с прямым взглядом, он секунду-другую держал его, потом направился к Стрелку.

– Позвольте присесть?

Стрелок кивнул на стул.

– Вы заметили, что мы говорили о вас?

Вопрос ответа на требовал, и так было понятно: да, заметил.

– Я спросил у хозяина совет, не знает ли он надёжного человека, кто возьмётся быть мне спутником. Он указал на вас.

«Выходит, он в самом деле знает меня. – Стрелок глянул на человека за стойкой. – Интересно, откуда? Впрочем, это неважно, земля слухом полнится».

– Ты чего-то опасаясь или не любишь путешествовать в одиночку?

– Мне кажется, меня хотят убить, – спокойно сообщил человек.

Минуту-другую Стрелок молчал, разглядывая его и медленно, глубоко затягиваясь ароматным дымом. Тепло чашки согревало ладонь. Он любил холодное курение и потому иногда давал трубке почти затухнуть, чтобы она не перегрелась. К тому же он так хорошо знал свою трубку, что чувствовал, когда стоит сделать затяжку слабее и реже, а когда усилить её.

Человек напротив был молод, на той стадии возраста, когда называют и юношей, и молодым мужчиной. Сейчас он смотрел прямо, с ожиданием, но без нетерпения либо волнения. Стрелку это нравилось.

– Хорошо, считай, что нанял меня.

– Спасибо. Деньги есть, цена меня не беспокоит, – юноша правильно услышал в словах Стрелка то, что должен был услышать.

Глава девятая

Из сочинений Стаса Маренго. Роланд Чаита.

Сын богатого коннозаводчика из благодатных Срединных Земель двадцатилетний Роланд Чаита возвращался домой после трёхлетнего отсутствия. Отец отправил его набраться нового опыта к старому знакомцу, занимавшемуся разведением беговых и вьючных верблюдов.

Стрелок хорошо знал разные породы верблюдов и знал им цену.

Он имел с ними дело в Запределье, где в кочевых племенах бескрайних пустыней Габлин-Горта верблюды были величайшим богатством и мерилем ценности. Купцы из других земель, самые рискованные, кого не пугал тяжёлый долгий путь и разбойничьи отряды, тоже использовали в караванах только верблюдов. Никакая лошадь, даже самая выносливая, не выдерживала иссушающей жары и бесконечных пыльных троп Габлин-Горта. Верблюд за один переход терял четверть своего веса, но спокойно нёс груз в десяток пудов, а то и больше. Какая лошадь выдержит?

Так же и через хребты Алмазных гор Стрелок не брался вести караван, если груз был навьючен на лошадей. Холодные кручи обязательно возьмут живую дань. Копыта, даже специально подкованные для ледника, всё равно скользят на обледенелом камне, и лошадь летит с обрыва вместе с грузом, хорошо, если не увлекает с собой человека, за которым идёт в поводу. На крутых горных тропах он доверял только двугорбым бактрианам. Вместо копыт у них две мягкие мозоли с когтями, и по любым кручам взбираются они размеренно и легко. К тому же спокойно выдерживают тридцати-сорокаградусные морозы.

А кто не слышал о бишаринах – скаковых верблюдах! Высокие, поджарые, злые, они способны зараз пробежать по пустыне хорошей рысью больше ста вёрст, да ещё без остановки для еды и питья. Никакая лошадь не угонится за таким скакуном. Рысь его столь плавная, что всадник может выпить чашку чая, не пролив ни капли.

Укротить своенравного бишарина труднее, чем норовистого жеребца. Они легко приходят ярость, режут и визжат, кусаются, лягаются, закусывают удила. Почувяв на себе человека, бишарин старается сбросить ненавистную ношу в заросли колючек, и, если удастся, тут уж берегись – он не убегает, а пытается затоптать человека. Цены на этих надменных строптивцев с пушистыми ресницами достигают заоблачных высот, а спрос на них никогда не падает.

Вот таким делом и занимался Роланд три года, изучая породы верблюдов, хитрости их разведения, укрощать тоже доводилось. Нелёгкая работа закалила парня. Был он высокий, почти как сам Стрелок. Худошавый, но не тощий, а как бы жёсткий, подобранный весь. Загорелый, с выбеленными солнцем бровями и волосами. В лице тоже мягкости не было: взгляд прямой и твёрдый, высокие чёткие скулы, резкий контур губ.

Если подозрения парня не на пустом месте выросли, то легко предположить происки конкурентов. Кто-то не желает, чтобы появился новый и сильный завод по производству верблюдов, не согласен расстаться с той частью доходов, которые потекут в другой карман. Даст ли им что-то смерть сына коннозаводчика? Возможно. Как устрашение. А, может быть, отец юноши получал уже какие-то требования и угрозы. Но в таком случае, разве не предупредил бы он сына, позволил бы одному пуститься в путь?

– Так что привело тебя к такой мысли? – спросил стрелок.

– Как пересёк границу и вошёл в Срединные Земли, странное начало твориться. На первом же заезде дворе ночью убили человека в той комнате, где я должен был остановиться.

– Тут подробнее.

– Отвели мне комнату, проводили в неё. Я сразу-то ничего, комната как комната. Потом гляжу, сразу под окном крыша пристройки. Я люблю спокойно спать ночью, чтоб ничего не тре-

вожило. А тут лезь кому не лень. Я служанку в коридоре увидел, попросил другую комнату. А в ту, видать, другой приезжий зашёл. Утром, сквозь сон ещё – суета. Смотрю, из той комнаты человека выносят, зарезали его ночью. Удивился, похвалил себя за осторожность, но ничего такого не подумал. А сейчас думаю – мог же кто-то заметить, в какую комнату я зашёл, а что вышел – этого уж не видели. Ну вот, собираюсь дальше ехать, тут попутчики подвернулись, семья. Два всадника да в кибитке две женщины с младенцем. Попросили с ними ехать, надежнее, мол. К вечеру добрались мы до следующего подворья, заночевали. Утром оседлал я лошадь, пошёл за вещами. Вернулся, гляжу, лошадь беспокойна. В общем, нашёл под седлом, под попоной, колючку с шипами. Если б вскочил в седло, лошадь взбесилась бы от боли, понесла. А там... вы знаете, наверно, – там дорога через перевал идёт, так мы наверху как раз были. Перевал хоть не трудный, но если лошадь понесла, разбиться есть где, точно рухнули бы с обрыва. Кто колючку под попоны сунул, так и не выяснили. Все на виду были. Выходит, чужой кто-то рядом скрывался. Три дня назад это было. Я теперь на дневных переходах пристаю к попутчикам. Но уже опасаться начал, как бы злыдни себя не подставили добрыми попутчиками.

– Ценное везёшь что-нибудь?

– Только деньги, что заработал. Не так уж много, чтоб так...

Стрелок кивнул:

– Деньги отобрать можно, ограбить. Убивать ни к чему. Там, где жил три года, не натворил ли чего, за что стоит убить?

– Нет, – уверенно помотал головой Роланд. – С хозяином, на кого работал, добрыми друзьями расстались. Я честно работал, он честно учил. Он уже в преклонных годах, а наследников нет, дело некому передать. Он собирается отцу моему предложить купить у него завод.

«Значит, оттуда тоже может ниточка тянуться. Но, едва ли. Парня ждали здесь, на границе».

– Из дома давно известия получал?

– С полгода назад. Отец писал, что дома всё в порядке. Напоминал, что скоро мне домой возвращаться, заканчивается оговоренный срок. Писал, что скучают, ждут.

– Дождутся, коль скучают и ждут. Спать сегодня в моей комнате будем.

Утром после завтрака Стрелок велел Роланду вернуться в комнату, запереть дверь и ждать его. Через час он вернулся со свёртком под мышкой. Свёрток глухо брякнул, когда Стрелок бросил его на кровать.

– Надень под рубаху, – велел он.

В свёртке оказалась чешуйчатая кольчужка.

Роланд с интересом разглядывал её, трогал пластины, смотрел, как они скреплены между собой.

– Как рыба чешуя. Я и не знал про такие, я думал они из колец бывают.

– Из колец тоже. Но эта надежней. Проволоку для колец вытянешь только из мягкого, ковкого железа, а мягкие кольца болт арбалетный проткнёт, меч продавит. Плоскую чешую, – кивнул Стрелок на кольчужку, – легко выковать или вырубить из любого железа, а то и из стали отлить. Их не сломать, не разрубить, не проткнуть. К тому же крепятся нахлёстом и таким способом, что клинок под чешую не загонишь. Один недостаток – тяжела. Но тебе пешком не ходить. А пригодится наверняка. Если кто в самом деле на твою жизнь зарится, он скоро увидит, что близко к тебе подойти трудно. Тогда нож метнёт, стрелой достать попробует. Увидим.

Глава десятая

Писатель.

Темнота лишала каких-либо ориентиров, и я не мог даже приблизительно сказать, сколько времени сижу в этой клетке. Я дремал, просыпался, и вокруг меня была всё та же крошечная темнота. Нет, один ориентир у меня всё же был – собственный желудок. Он снова начал качать права и всё настойчивее. Выходит, что? После той миски прошло... Да ладно. Что даёт мне это знание? Я куда-то спешу? Куда-то опаздываю? Ещё подремать, что ли?

На этот раз шагов я не услышал. Или заснул крепко, или шаги такими лёгкими были. За мной явилась Лиса. Отперла замок, открыла дверь настежь и молча пошла прочь. Я торопливо поднялся, поспешил за ней. Мы опять пришли в ту залу с кухней. Я удивился, не увидев больше никого. Только я и Лиса. Она кивнула в сторону плиты:

– Там еда. Бери, ешь. Там, – Лиса указала на узкую дверь в углу, – туалет.

Сама взяла кружку из шкафа, налила себе чего-то из большого металлического термоса, и, не говоря больше ни слова, села к столу.

Я решил первым делом воспользоваться узкой дверью, не подозревая, что ждёт меня там. А ждало меня зеркало. Споласкивая руки, я скользнул взглядом по своему отражению и как ужаленный метнулся, прикипел глазами к своему лицу. Это я?! Этот человек, в зеркале... сколько ему против моих далеко за пятьдесят? Я потёр лицо, как будто хотел стереть то, что видел в холодном стекле. Ладно, я согласен даже телепортацию принять как версию... Но она ведь не омолаживает! Я посмотрел на руки. А ведь что-то мелькнуло тогда, какая-то мысль, когда я карту разглядывал и руки свои вскользь увидел. Мелькнуло и ушло, вытесненное тем, что видел на карте. Снова поднял глаза на зеркало. Сколько же мне теперь? Лет тридцать пять? Да, никак не больше тридцати пяти. Новая мысль заставила качнуться к зеркалу и потереть висок, вороша волосы там, где шрам. Шрама не было. Я медленно опустил руку. Что это значит? Я такой, каким был вот в эти годы?.. А та болячка, от которой собрался помириться?.. Я опять с силой потёр лицо... Ладно, надо уже выходить. Чего доброго, Лиса подумает, что я через унитаз сбежал.

Всё же новое открытие здорово врезало по мозгам. Я вышел, туго соображая, что должен сейчас делать. Ага, Лиса предложила мне самообслуживание. Ну ладно, не будем стесняться. Я осмотрелся, увидел стопку глубоких мисок – Кэй приносил мне такую же. Заглянул в большую кастрюлю на плите, там была какая-то каша с кусками мяса. Пооткрывал дверцы шкафа, обнаружил ложки, кружки, начатую упаковку сухарей. В термосе оказался крепкий чёрный чай.

Когда я приступил к чаю, Лиса предложила:

– Рассказывай.

– Что?

– Всё, что считаешь нужным. О себе рассказывай.

Ох, Лиса... Мне бы кто-нибудь чего-нибудь рассказал бы... Помедлив, я заговорил:

– Я уже сказал, зовут меня Стас Маренго, я из России... страна такая. Писатель. Вчера... или... я не знаю, сколько времени я здесь. До того, как меня нашли твои товарищи, я помню, что был в своём доме, лёг спать, ночь была. А проснулся, когда эти парни меня растолкали. Уже здесь. У вас. Я не знаю, как это объяснить, – я пожал плечами, помотал головой. – Я не знаю, где я и как сюда попал. Ещё, что странно, в первые минуты я не мог слышать, говорить... Со слухом что-то творилось, звуки тянулись и были очень низкими. С памятью тоже... я ничего не помнил. Совсем не помнил. Кто я, как меня зовут, откуда... Потом со слухом нормально стало и память начала возвращаться.

– Я никогда не слышала о твоей стране.

Я вздохнул:

– А я никогда не слышал о королевстве Аскаланта. Мне кажется... В это трудно поверить, но я как будто совсем в другом мире. В моём мире нет Аскаланта. А здесь, ты говоришь, нет России.

– Ты не слышал о королевстве Аскаланта и ничего о нём не знаешь?

– Нет, – покачал я головой.

Да, так будет правильно. Не надо говорить ЧТО я знаю. Дальше-то как? Сообщить, что я выдумал их королевство? Выдумал её?

– Так ты писатель.

– Да.

– О чём твои книги?

«Ух ты! Вопрос же ты задала, Лиса... Почему ты его задала?»

– Я пишу... – увы, и этого я не могу тебе рассказать, дорогая моя принцесса. – Нет, не помню.

– Ты чем-то занимался, кроме писания?

«Чем-то занимался, точно. Но чем? Этого я, действительно, не помню».

Я пожал плечами.

Лиса неторопливо допила свой чай... и вдруг метнула в меня кружку. Я вскинул руку и кружка вцепилась в мою ладонь. Я удивлённо посмотрел на неё и осторожно поставил на стол. Поднял глаза и встретил испытующий взгляд Лисы. Она усмехнулась:

– Похоже, тебе ещё есть что вспоминать.

Я не нашёл, что ответить.

– Ты хочешь уйти?

– Да мне... некуда.

– Хочешь остаться?

– Да.

– Хорошо. Оставайся. И вспоминай поскорее то, что забыл.

Меня больше не сажали в клетку. Не знаю, чем заслужил я доверие Лисы. А хотел бы знать. Ведь что-то она обо мне знала и доверие её имело под собой основу. Она скрывала что-то. Так же, как я.

Глава одиннадцатая

Экипировка

Через пару часов явились Лисины товарищи. На меня они смотрели без особой любезности, но и без враждебности. Ясно. Долго ещё быть мне под тщательным присмотром. Но вроде нечем мне питать их подозрительность.

– Жарко, – позвала Лиса, и к ней обернулся Итальянец. Лиса толкнула к нему по столу что-то чёрное, продолговатое... Пульт? И кивнула на меня. – Займись.

– Пошли, – качнул головой Итальянец-Жарко.

Опять мы шли по едва освещённым длинным бетонным коридорам, пока не подошли к стене, вставшей поперёк коридора. Она была не бетонная, гладкая и отливала металлическим блеском. Тупик или что? Тут я увидел в руке Жарко тот самый непонятный предмет, что передала ему Лиса. Это и впрямь был пульт. Что-то негромко зажужжало и стена поехала в сторону. Позже я узнал, эту дверь можно и без пульта открыть. В стене за одним из блоков скрыт кодовый замок. Надо только знать, как повернуть этот блок.

За дверью был склад, армейский склад. Несколько рядов высоких, под потолок, стеллажей тянулось через всё помещение. И чего тут только не водилось. Жарко вручил мне здоровенный мешок, мы шли вдоль стеллажей и он, снимая с полок, кидал в мешок майки, трусы, футболки, штаны, носки, ботинки... я уже перестал отслеживать что летит в мой мешок, крутил головой, удивлялся и чувствовал, как мешок всё больше оттягивает руки. Когда он был полон, Жарко велел завязать его и оставить, вручил мне рюкзак, в конце-концов и рюкзак оказался под завязку.

Когда вернулись назад, я нашёл в мешке теплоизолирующий коврик, расстелил его на бетонном полу, сверху раскинул спальник и вывалил на него всё из мешка и из рюкзака. Окинув взглядом эту кучу, я понял, что стал обладателем сокровищ. Причем, сокровищ, продуманных с точки зрения использования их в военном деле.

Хлопчатобумажные футболки часов сорок восемь будут исправно заботиться о комфорте хозяина. Для этого в них сетчатые вставки. Благодаря им тело свободно дышит, вентилируется при значительных физических нагрузках, пот выводится наружу. Не удивлюсь, если ткань ещё и всяких москитов-кровососов отпугивает. Для этого при производстве в её структуру вплетаются волокна, пропитанные специальным веществом. Известно, что хризантемы отпугивают всякую мелочь кусачую. Так вот, премудрые головы выделили этот натуральный репеллент, разложили его на молекулы и создали искусственный аналог. Им и пропитывают волокна. Ни запаха, ни цвета, ни вредности от неё – хоть младенца пеленать. И выдерживает эта пропитка десятки и десятки стирок.

А теперь спроси себя, писатель Стас Маренго, тебе откуда все эти дела известны? Ты ведь ещё много чего знаешь про вещи, подобные тем, что лежат перед тобой. Нет ответа. Ну что за чертовщина со мной творится? Может, я снабженцем каким-нибудь был? Или заведовал складом типа того, из которого сейчас вернулся?

«А Стрелок мог всякое такое знать?» – пришла неожиданная мысль. Нет, не мог. Он, конечно, крутой перец, мой Стрелок. Но он больше по ножам, стрелам. Во времена принцессы Лисы не было арамидных комбинезонов, на который я сейчас смотрю. Хорошая вещь арамидный комбинезон, его ещё называют кевларовым. Кевлар – идеальная защита для бодигардов, кому нужны мягкие скрытые бронежилеты. Хорош он и там, где нужна сложная геометрии защиты – шею чтоб закрывало, плечи, кисти рук. Выдержит прямое попадание осколков от гранат, мин и даже снарядов. В нём спокойно через огонь и воду пройдёшь, если, конечно, не при-

саживаться передохнуть в пекле. И из воды сухим выйдешь, поскольку ткань водоотталкивающая.

Ну, ладно, не помню я, чего хотелось бы помнить, и пусть. Авось, со временем вспомню. Если успею, мрачно хмыкнул я про себя.

Я перебрал вещи, обладателем которых стал, сложил стопкой нижнее бельё, майки, носки.

Померил ботинки. Берцы, такие же, как у парней. С завышенной задней частью, которая, собственно, и называется берцем. Хорошая обувь, надёжная. Наверняка с мембраной, тонюсенькой плёнкой под кожей. Плёнка пронизана миллиардами пор, через которую нога отлично вентилируется, выводится пар и пот, а воду внутрь эта мембрана не пропускает, хоть целый день броди по болоту. Подошва жесткая и тяжёлая. Ну правильно, в берцах не по цветочным лужайкам гулять, а по крошеву из кирпича и бетона, по битому стеклу, среди торчащей арматуры и гвоздей. Тут же тебе и провода под напряжением, и всякая вытекшая химия, бензин. Так что тяжёлая толстая подошва на обуви – это благо. Рифлёнка хорошая, продуманная. Подошва по ходу самоочищается, потому что грязь выдавливается по направляющим в стороны.

Небольшой пластиковый чехол. Точно, очки. Каплевидные хамелеоны, которые защищают глаза от яркого солнечного света, ну и, в небольшой степени, от взлетающих в воздух мелких частиц, осколков, кирпичной крошки. В таких ходят киношные парни с суровыми лицами – телохранители.

По идее должны бы быть ещё другие очки – тактические, с максимальной степенью защиты самой уязвимой части тела. Они должны защищать глаза спереди, сбоку, и даже снизу. Это необходимо, когда от взрыва разлетаются стёкла, бетон или брызжет в лицо какая-нибудь гадость, из-за которой можно легко стать слепым. Хорошие противоосколочные очки, изготовленные из поликарбоната, что прочнее стекла с сотни раз, зачастую единственный способ спасти зрение. От пули, в глаз пущенной, они не спасут, но защитят от осколков до сантиметра величиной.

Нет и другой тяжёлой защиты – бронежилета. Впрочем, ни у кого из отряда я их тоже не заметил. Наверное, сейчас такая защита не актуальна, а лёгкая разгрузка вот она – жилет со множеством карманов на клапанах.

Я снял ботинки, аккуратно поставил их рядом со своим ложем. Потом переоделся в «своё» и теперь внешне я уже ничем не отличался от парней из команды Лисы.

И тут меня вдруг «осенило»! Я не видел у них огнестрельного оружия. Видел арбалеты. И очень даже интересные, я бы охотно поразглядывал такой поближе. Но нельзя мне пока тянуться к такой игрушке. Может быть, вот он, момент истины? Может быть, здесь не знают огнестрельного оружия и взрывчатых веществ? Точно так же, как не было этого оружия в мире Стрелка и моей принцессы! Парни, когда набрели на меня, явно возвращались с какой-то боевой операции, но ни автоматов, ни пистолетов при них не было! Так получается, всё же я – творец этого мира? О-па-па... погоди мнить себя богом. Тут тебя влёгкую прихлопнут, создатель.

Глава двенадцатая

Гард

Гард хорошо помнил, как его привели в дом, где странно пахло, и толкнули к щенкам. Щенки были мягкие и тёплые. А ещё они были очень забавные, Гарду понравилось играть с ними. Сначала он боялся большой собаки, что обнажала зубы в угрожающем ворчании. Он отходил подальше от неё, но совсем уйти не мог – вокруг был забор из металлической сетки и выхода он не находил. Потом забывал о сердитой собаке, увлечённый забавными щенками. А потом собака привыкла к нему.

Люди тоже были в памяти Гарда. Но их он не так чётко помнил. Люди приносили еду щенкам и суке, чистили вольер. Только одного человека он помнил хорошо. Того, кто еду приносил ему, туда же, в вольер, и оставался рядом, смотрел, чтобы щенки не добрались до его миски. Течение времени прошло мимо его внимания и Гард не знал, сколько дней провёл так, прежде чем тот человек вывел его из вольера. Он стал жить с тем человеком. Собаки тоже были всегда где-то неподалёку, потому что их голоса были хорошо слышны. Это потом, позже, Гард узнал – то была псарня, а жильё он разделил с человеком, которого все слушались тут, и люди, с собаки. Атрас был старшим псарём.

И конечно, не мог мальчик помнить, что сказал тот, кто втолкнул его в свору мягких, плюшевых, игривых зверьков. Он сказал: «Щенок будет жить со щенками». Сколько ему было тогда? Года три, наверное.

Псарь вообще-то был верным слугой, точно исполнял приказы хозяина, но иногда, редко, из каких-то своих соображений поступал вопреки им. Так, он сам решил, что маленькому человеку не место в собачьем вольере.

С первого дня для Гарда не было лучше развлечения, чем играть со сворой щенков. Он приходил к ним в вольер каждый день. И сука привыкла к нему так, что иногда он засыпал, положив голову на её тёплый, мягкий бок. Щенки росли гораздо быстрее, чем он. Скоро они сделались сильными и не очень-то дружелюбными молодыми псами. Их давно перевели из щенятника, теперь каждый пёс имел собственный просторный и светлый отсек с тёплой подстилкой, с мисками, игрушками. Гард приходил к ним по-прежнему, и ему, малышу, они радовались, позволяли таскать себя за уши, обнимать и прижиматься к тёплой шкуре. Он разговаривал с ними, а они слушали. Эти псы стали единственными его друзьями. Бен-Яир случайно узнал об этом и вскоре подарил кому-то весь выводок.

Эта странная прихоть хозяина дала повод псарю Атрасу задуматься, какая судьба уготована Гарду? Получается, владыка Саидхарун бен-Яир о нем не забыл, и более того, по какой-то причине намерено лишает его даже малых радостей. Тогда у Атраса во второй раз появилось желание побольше узнать о мальчике. Проводя с ним много времени, Атрас не мог оставаться безразличным к малышу. Он вызывал расположение окружающих. Приятно было слышать его залиvistый, беззаботный смех. Он не жаловался, ничего не просил, только плакал по ночам первое время. Атрас услышал это в первую же ночь, когда привёл в свою комнату и постелил ему на широкой лавке у стены, в изголовье своего топчана. Может быть, мальчик и в вольере плакал, да там его никто не слышал, кроме собак.

– Ты голоден? – спросил тогда Атрас.

Тихий плач прервался, и мальчик ответил:

– Нет.

– Хочешь воды?

– Да.

Атрас встал и, зачерпнув ковшом, поднёс его к губам мальчика. Малыш начал пить и неожиданно обхватил ручонками руку Атраса. Выпустил он её с явной неохотой.

В другой раз, разбуженный тихим плачем, Атрас протянул мальчишке руку. Тот сейчас же её обхватил. Две ладошки прилипли, как два мягких горячих оладушка. Малыш прижался к руке Атраса щекой и затих.

Псарь никогда не имел дела с детьми. Он не знал их и не умел с ними обращаться. Поведение мальчика, да и своё тоже, слегка удивило и позабавило. Ну, что плачет, понятно, – щенок, если его рано отнять от суки, тоже скулит и ищет мать. Возьмёшь на руки – успокаивается. То же и с мальчишкой происходит. Скучает по матери, по дому, по всему, от чего оторвали.

Тогда вот эта мысль, что неплохо разузнать бы, кто такой этот малыш, впервые явилась. Но в тот раз он её отогнал: а надо ему это знание? Зачем оно псарю?

Но когда мысль возникла во второй раз, Атрас понял, что она будет возвращаться снова и снова, и коль уж Саидхарун подкинул ему мальчика, надо знать, кого именно. Псарь знал, кому может задать вопрос о мальчишке. Гратуар Саидхаруна бен-Яира. Человек, которому положено неотлучно находиться при господине, быть носителем оружия господина и головой отвечать за него.

Должность гратуара-оруженосца была данью традиции, архаичной принадлежностью протокола. Должно быть, уже не менее полувека только на крупных церемониях владыка принимал из рук гратуара свою знаменитую саблю, вещь изумительной красоты, изящества и ценности. Тем не менее, гратуар входил в свиту владыки с той же обязательностью, как телохранители владыки. Правда оружие, которое он нёс, в большинстве случаев было не столь роскошно, как парадный клинок бен-Яира. Саидхарун имел богатую оружейную палату, но большую часть оружия уже можно было назвать экспонатами драгоценной коллекции. Теперь было время другого оружия.

Гратуара Атрас знал хорошо. Приятным это знакомство он бы не назвал, но оно было полезным.

Сафа имел дурной характер и не нравился Атрасу. Он невероятно гордился своим положением и, по чести сказать, право имел, если бы гордость его не превращалась в спесивость, что делало Сафу мелочным и злокозненным. Правда, Атрас не слишком-то поощрял дурной характер гратуара и умел поставить его в приемлемые для общения рамки.

Несмотря на характер гратуара, псарь отдавал должное одному ценному качеству Сафы и не раз пользовался им: сведения самого разного характера будто сами собой стекались к носителю оружия владыки. В его голове хранились сотни, если не тысячи имен, он мог рассказать генеалогию любого мало-мальски известного рода. В той же копилке оседали все светские сплетни. Каким-то образом он оказывался в курсе дворцовых и правительственных интрижек, причем принадлежащих не только двору бен-Яира. Границами Арастана познания Сафы не ограничивались. Правда, сам он никогда ни в чём таком не участвовал. Сафа был крайне осторожен, умел крепко держать язык за зубами, хорошо чувствовал пределы дозволенного, и знал за какое, слетевшее с языка слово, можно поплатиться головой.

Благодаря своему таланту Сафа каким-то образом знал прошлое Атраса и его отношение к псарю было замешано на невольном страхе и уважении, смешанном с заискиванием, ну и на самодовольстве от внимания к нему Атраса. К тому же, приятельство с псарём владыки несколько не роняло престиж Сафы в глазах окружающих. Эта должность тоже не из последних, и не каждый человек способен её занимать. Далеко не всякому доверят разводить, выращивать и натаскивать собак бен-Яира. Таким образом, расположение Атраса гратуару Сафе льстило.

Любил Сафа бывать в ресторации «Толстый Робин», где подавали лучшее в городе пиво. Да у Робина и остальное – что питье, что кушанье – было достойно самой высокой оценки.

Быть завсегдаем «Толстого Робина» было всё равно что иметь верительную грамоту о своём достатке и статусе.

Сложив с себя почётные, но ответственные обязанности, Сафа приходил в ресторан, удобно располагался за низким столом на диване с подушками, заказывал обильный ужин, а то и хорошенькую, молоденькую девушку, что садилась к его столу, прислуживала и ухаживала за ним одним. Могла и удовольствие доставить, была для того обучена многим способам.

В этом заведении нельзя было встретить какого-нибудь пройдоху без рода и племени. Сюда не пускали чужаков без рекомендации. Зато всегда можно было встретить старого доброго знакомого, обменяться новостями, посплетничать. В «Толстом Робине» назначали деловые встречи, для этого имелись отдельные комнаты. Говори, заключай сделку, не беспокоясь касательно чужих ушей. На этот счёт у заведения была безупречная репутация.

Именно в «Толстом Робине» довелось вскоре Атрасу «случайно» встретить Сафу.

Глава тринадцатая

Гратуар бен-Яира

Сафа издали увидел Атраса. Кто-то, знакомый псаря, поднялся ему навстречу и с широкой улыбкой дружески хлопал по плечу, указывал на свой стол. Сафа замахал рукой, привлекая внимание. Он уже почти огорчился, что старый приятель останется там, когда Атрас, перебросившись парой слов со знакомым, двинулся в сторону Сафы. Пока он шёл через зал, его ещё несколько раз окликали, приветствовали, он отвечал, но не останавливался, и Сафе это было очень приятно – им всем Атрас предпочёл его, гратуара бен-Яира.

– Рад видеть тебя, дорогой друг, – с искренней радостью приветствовал он Атраса. – Не составишь ли мне компанию на сегодняшний вечер? – указал он на диван по другую сторону стола.

– Охотно, – согласился тот и прошёлся беличьей кисточкой по кичливой душе Сафы: – В умной беседе ума прикупишь, а в глупой и свой растеряешь.

– Истинно, истинно так! – глаза гратуара масляно заблестели от удовольствия.

Атрас с удобством расположился на мягком диване, и тотчас рядом возник половой в длинном, кофейного цвета фартуке, готовый принять заказ нового гостя.

– Что сам посоветуешь? – спросил Атрас. – Чтобы сытно и желудку не в тягость.

– Карп сегодня очень хорош. Только советую не жареного, а тушёного в огуречном рассоле пополам с белым вином. А к карпу не изволите ли разварной картошечки в луковом соусе?

– Неси, – кивнул Атрас. – Да ещё подай-ка нам с другом ратафии лучшей, какая есть.

– Есть на персиковых косточках, на трёх фруктах, на мекодийском перце.

– Вот последней неси, осьмериковый кумган. Да зелени всякой большое блюдо.

Обменялись ритуальными вопросами о здоровье и благополучии, опорожнили неторопливо по первому деревянному стакану крепкой, обжигающей ратафии. Только в «Толстом Робине» к ней подавали, как положено, деревянные стаканы. В других заведениях ратафию наливали то в стеклянные бокалы, то в мельхиоровые чары, но правильно было – в деревянные стаканы.

Карп и вправду был хорош. Ратафия способствовала аппетиту, и Сафа, по рекомендации Атраса, потребовал и себе карпа в дополнение к крупяному, томлённому в печи, супу с гренами и к бараньей ноге в тыквенном рагу.

– Не видел тебя давно, брат Сафа. Служба твоя и часу свободного не оставляет?

– Так знаешь ведь, кампания последняя непрерывного внимания государя нашего требовала. Совещания, советы военные, встречи разные. Я редко когда отпущен бывал. Это когда уж узким самым кругом беседу вели, самые доверенные люди владыки нашего бен-Яира. А потом и вовсе – стали прибывать визиты из новых земель. Миссии всякие с верительными грамотами и заверениями. Тут уж государь непременно в великолепии и суровости быть должен.

– Нелёгкая у тебя служба, Сафа. Стоять недвижно долгими часами, да ещё оружие наизготовку держать. Удивляюсь на твою выдержку.

– Было очень мало дней, которые я не начал специальными упражнениями на выносливость и силу. Часто до свету вставал, но час для них находил непременно. А теперь ещё велено смену себе готовить. Прислали мне дюжину молодцов, чтобы посмотрел сам да выбрал, кто годен для такой службы. Выбрал троицу. Вот ими теперь ещё заниматься надо, для них время находить.

– Что я слышу, Сафа, неужто на пенсию собрался?

– Нового гратуара за месяц не подготовишь. А пенсия что, дело хорошее. Может, меня, как тебя, к другому какому делу Саидхарун определит. А, может, жену возьму. Она мне ещё детей нарожает.

– Правильно мыслишь, – Атрас наполнил стакаши. – Ну, давай, Сафа, за твоих будущих детей выпьем.

Выпили, закусили в молчании.

– Забавные они, дети-то, – заговорил опять Атрас. – Владыка мне на псарню пацанёнка определил. Правда, не пойму, хочет ли, чтоб я тоже, подобно тебе, делу своему обучил, или другую какую задумку имеет.

– Что за малец, с городу, что ли? – Как Атрас и рассчитывал, новшество на псарне не могло скользнуть мимо внимания Сафы, он непременно должен был узнать о ней поточнее.

– Нет, не городской. Не наш. Саидхарун собственноручно его на псарню привёл и к щенкам сунул.

– О как! – в глазах гратуара загорелся огонёк интереса.

– И знаешь, что сказал при этом? Щенку место со щенками, сказал.

– А что за мальчонка, говоришь? – посмотрел Сафа пристально.

– Да маленький совсем. Поди и четырёх годков нет.

– Давно он у тебя?

– С полгода, может побольше чуток.

– Ааа... Вон куда определили мальчика!

– Неужто знаешь, про кого речь ведём?

Сафа отвечать не спешил, отправил в рот веточку петрушки, старательно её пережёвывал.

Потом спросил:

– Светлые волосы, голубые глаза?

– Точно. И кто ж он такой? – Атрас снова разлил рафию, щёлкнул пальцами, привлекая внимание полового, указал на опустевший кумган.

– Мы уж говорили про недавнюю кампанию. Добыча богатой была. Вот пацанёнок этот – тоже богатая добыча.

– Что не из простых он, это я по повадкам его понял. Выходит, есть планы на него у владыки нашего.

– Не надо тебе в то вникать, Атрас. И сказать я тебе больше ничего не могу.

– Да мне секретов и не надо, Сафа. Так ведь, к слову пришлось. Забудь.

Понял Атрас, что ещё знает гратуар о мальчике, но расспрашивать бесполезно, да и ни к чему показывать свой особый интерес.

Ещё около часа провели они за неспешной едой и беседой. Атрас рассказал несколько новых сплетен, что ходили среди дворцовой челяди, смешных побасок, от которых Сафа валился на диван и утирал слёзы, и распрощался, оставив захмелевшего гратуара, довольного встречей со старым приятелем и с приятностью проведённым временем.

Мальчик спал на своей скамье. Атрас, прежде чем лечь, сидел на топчане и смотрел на мальчика. Он думал о том, что Саидхарун бен-Яир определённо имеет какой-то замысел на его счёт. И что, скорее всего, жизнь малыша сладкой не будет. Мысли Атраса горчили сожалением.

Глава четырнадцатая

К ущелью Белых Ветров. Из сочинений Стаса Маренго

Ночь прошла спокойно. Утром проснулись, уложили вещи, спустились в корчму и плотно позавтракали.

Тут же, у корчмаря, запаслись продуктами, в дороге перекусить. Взяли сдобных лепешек, только что вынутых из печи, тугое кольцо колбасы, добрый кусок мягкого козьего сыра и пахнущую дымком копчёную оленью лопатку. Напиться можно было бы из родника или ручья, что во множестве сбегали с горных отрогов, но поклажи было немного, потому взяли и питья. Стрелок выбрал медовую сурью на ягодном грибе и трёх травах: девясиле, чернобыльнике да чабреце. Хоть была в сурье доля хмеля, но Стрелок от неё не пьянел, наоборот, сил прибывало. Про Роланда же не знал, каково будет тому от медовой сурьи, потому посоветовал взять другое что-то. Роланд с удовольствием заказал рожок сбитню сгущёного, которого они только что, за завтраком, отпробовали по совету корчмаря. В сбитне, приготовленном из отвара разных приправ, а потом с патокой упаренном в печи до тёмно-красного цвета, сочетание различных вкусов рождало неповторимое ощущение.

Роланд, как и Стрелок, путешествовал налегке, потому обходился без второй, вьючной лошади. В пути, который им предстоял, много поклажи не требовалось. Места были не глухие, часто встречались заезжие дворы, где можно было остановиться на ночь. По крайней мере, за дневной конный переход вполне можно было одолеть путь от одного удобного места для ночлега до другого.

Но всё же Стрелок привык всегда иметь при себе шерстяное валяное одеяло – лёгкое, но очень тёплое. Мало ли что может случиться в пути – лошадь на сук или на камень наткнётся, охромеет, вот и не доехал до постоянного двора. Кроме того, в поклаже непременно был плащ для ненастной погоды. Широкий, он мог укрыть и всадника, и коня. Да ещё был пропитан составом на рыбьем клею, что сделало его непроницаемым для влаги – плащ частенько спасал Стрелка и его каурого. Укутавшись в одеяло да завернувшись в плащ, можно было отлично выспаться и в дождь, и в холод. Кроме того, в дороге были необходимы: моток крепкой веревки, топор, кружка, ложка, миска, мера овса для коня да мелочи всякие – огонь запалить, рану обработать, перевязать, точило – нож или меч поправить, запасная тетива. Ещё, какой бы путь не предстоял, у Стрелка всегда имелась при себе оплетённая плоская скляница – хоть на поясе держи, хоть увяжи в тюк с поклажей. К склянице этой, с убойно крепкой рисовой настойкой, приправленной драконьим перцем, Стрелок тоже нередко за помощью прибегал. Пара глотков жгучего напитка согревали в холод лучше костра, а растирание выгоняло из тела простуду за одну ночь.

Примерно такой же набор был и у Роланда в поклаже. Потому всё уместилось в небольших тюках, притороченных сзади к сёдлам.

Оружие Стрелок всегда предпочитал иметь при себе, под рукой: меч да нож на поясе, колчан с луком и стрелами за спиной. У Роланда тоже был меч за спиной и клинок на поясе.

Им предстояло одолеть путь между кряжем, где Роланда пытались убить при помощи колючки под лошадиным потником, и мрачным горным хребтом Ледоградом.

Дорога на север была торной. Она бежала меж холмов, от неё, как молодые побеги от ствола, отходили тропинки. Они скоро пропадали в густой траве, ныряли в заросли кустарника, убегали за холмы. Дорожная пыль, взбитая копытами, оседала на ноги коней, поднималась, добиралась до всадников, покрывала их одежду и лица.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.